

НАДЕЖДА ВОЛГАНД

ПОДУШКА ДЛЯ СОЛНЕЧНОГО ЗАЙЧКА

18+

Мужчины трепещите! На вас охотится ночная бабочка Шер. Попав в ее сети, вы потеряете голову, начнете грезить ею, мечтая хотя бы еще об одной встрече. Шуру называют солнечным зайчиком за ее доброту, жизнерадостность и обходительность. Но душа ее наглухо закрыта для всех. И только сама она знает, какой мрак порой в ней царит. Любовь способна на многое, даже на чудеса. Она проникает в душу, чтобы излечить, прогнать мрак. Но лечение это болезненное, а путь к счастью тернист.

— Здесь правила устанавливаю я! А ты за них платишь.

Она коснулась наманикюренным пальчиком щеки мужчины, скользнула по едва наметившейся щетине и резко толкнула его в кресло. От неожиданности он сильно покраснел и вперил в нее недовольный взгляд, на что она лишь усмехнулась, скривив ярко-накрашенные губы.

— К чему нам эта удавка? — присела она между его ног и потянула за галстук. Затем растегнула медленно, не касаясь пальцами кожи, все пуговицы на рубашке. Распахнула ее и провела ладонями по безволосой груди к едва наметившемуся пивному брюшку. — Как ты любишь его называть? — приложила она ладонь к заметно набрякшей ширинке.

Мужчина заелозил в кресле, а она нащупала головку и погладила ее пальцем. Такие, как он, обычно считают свой детородный орган одним из самых главных достоинств. Они приписывают ему всяческие чудеса, любят приврать, приукрасить собственные подвиги в рассказах друзьям. Ох уж эти мужики, они еще большие сплетники, чем женщины. Ну раз ей попался такой сказочник, то и эпитет она придумает сказочный.

— Давай освободим дракона, чтобы он смог взлететь, — с этими словами она дернула его за ноги, вынуждая съехать вперед.

Мужчина, чьего имени она не знала и знать не хотела, тяжело задышал, когда пальцы Шер ловко справились с пряжкой на ремне, а потом и с застежкой на брюках. Он даже сообразить не успел, как остался сидеть голый попой в кресле, а штаны, с тем что имелось под ними, упали небрежной грудой к ногам.

— Совсем ослаб наш дракон, — рассматривала Шер то, что уже начинало расти, но все еще вяло трепыхалось.

Она легонько дунула на пенис и, как пружина, взвилась вверх. Расправила короткую кожаную юбку на запахе, пригладила пряди черного парика и подошла к музыкальному центру. Через секунду тишину нарушила нежная лирическая мелодия. Шер задвигалась в такт ей, выйдя на середину комнаты и не отводя взгляда от лица мужчины. Когда на пол полетела шифоновая блузка, дракон заметно окреп. Как только она, извиваясь всем телом, освободилась от юбки, он уже расправил крылья. А его хозяин запыхтел и раскраснелся еще сильнее, пожирая глазами девушку в черном кружевом белье и чулках на поясе.

Шер продолжала двигаться в такт музыке, пока не заметила, что дракон уже готов взлететь. Тогда она отвернулась от мужчины, наклонилась вперед, выгибая спину и широко расставила ноги. В следующий миг дракон взвился в небо, когда Шер отодвинула тонкую полосочку стрингов, показывая ему влажную и манящую щель. И длилось это всего лишь миг...

— Я подарю тебе рай, а ты запомнишь меня на всю жизнь, — приблизилась Шер к мужчине, глядя на него своими огромными светло-кариими глазами, ярко обведенными подводкой, отчего они казались еще больше.

Когда ее язычок коснулся его восставшей плоти, мужчина не выдержал и громко застонал.

— Потерпи. Я лишь немного приголублю монстра, — улыбнулась она и снова склонилась, укрывая его бедра волосами.

Ровно столько она вбирала его в рот, посасывая и полизывая, пока он не затвердел, как

камень, готовый сразиться даже с самым страшным врагом.

— А теперь пусть потрудится немного, прежде чем мы позволим ему расслабиться, — с этими словами она освободилась от стрингов и медленно опустилась на упругий стержень, плавно впуская его в свою жаркую и узкую щель...

— Когда я увижу тебя снова? — спросил мужчина, когда Шер распахнула дверь номера, чтобы покинуть его навсегда.

— Никогда, — обернулась она и улыбнулась одними губами. — Никакого постоянства. Не больше раза. Я тебя забуду, а ты меня нет.

Глава 1

— Шурочка, можно тебя на минуточку? — приглушенный голос Веры Павловны донесся из глубины читального зала.

— Иду!

Стройная шатенка оторвалась от чтения бумаг, выпрямила спину и потерла уставшие глаза. В следующий миг она весело улыбнулась, соскочила со стула и побежала в читальный зал. словно легкий теплый ветерок летел за ней. Несколько читателей, что рассматривали книги на стеллажах, невольно оборачивались ей вслед, попадая под власть ее бодрости и энергии.

В читальном зале стоял приглушенный гомон. Группа детей рассаживалась на составленные в круг стульчики и, не замолкая ни на секунду, переговаривались все сразу. Вера Павловна копошилась возле стеллажа с детскими книгами и временами посматривая на школьников, явно ожидая какой-нибудь шалости.

— Шурочка, деточка, ты с этим лучше справишься, — обрадованно заулыбалась она, поправляя очки на переносице. — Из пятнадцатой школы пришли, на литературный час... — кивнула она на детей. — Ты повозись тут с ними, ладно? — заискивающе посмотрела она на девушку. — А я за тебя там карточки позаполняю. Только вот... чтобы им такое почитать? — снова в растерянности взглянула она на стеллаж.

— Я сама, Вера Павловна. Уже придумала, — подмигнула ей Шурочка, отпуская из читального зала. Та с радостью, даже с несвойственной ее возрасту припрыжкой, направилась к выходу.

Шура повернулась к детям. Пара десятков смешливых глаз одинаково смотрели на нее. Она обожала детей и не могла не умиляться, глядя на их потешные мордашки, анализируя их пытливые умы, так стремящиеся впитать как можно больше информации. К сожалению, не всегда хорошей и нужной.

— Давайте знакомиться! — звонко заговорила она. — Меня зовут Александра Андреевна. Я — библиотекарь и очень люблю читать. А теперь вы представьтесь.

Детишки наперегонки стали выкрикивать свои имена. Конечно, Шура все их не запомнила. Но такая практика позволяла мгновенно сблизиться и разрядить обстановку.

— А давайте выйдем на улицу и почитаем на травке в нашем саду? — предложила она.

Погода сегодня выдалась почти летняя. Солнце лилось с неба, как из рога изобилия. Библиотека с огромным читальным залом занимала весь первый этаж старинного особняка. Хозяин дома с щедрой руки подарил его городу, а второй и третий этажи сдавал под офисы. Перед особняком был разбит сад, за которым старательно ухаживал садовник. Тут были даже фонтаны со скульптурами в виде лебедей и полуобнаженных девушек. Летом они уютно журчали. Но май в этом году выдался холодный, почти каждый день лили дожди с грозами, и фонтаны еще не заработали. Правда, глядя сегодня на безоблачное небо, Шура хотелось верить, что наконец-то наступает лето, которое она любила больше всего на свете.

И это место, где работала вот уже три года, она тоже обожала. Конечно, платили тут сущие копейки, но ей нравилась атмосфера начитанности и интеллигентности, что буквально пропитывала первый этаж особняка. А про второй и третий она старалась не думать, словно их и не было вовсе.

Шура рассадила детей на сложенных в несколько раз пледах, что прихватила с собой и

расстелила прямо на траве вокруг пенечка, который для себя она уже давно облюбовала. Присев в центре, она раскрыла на коленях неприметную потрепанную временем книжечку. Автор на обложке значился Паустовский. Именно его рассказ она хотела сегодня прочитать детям, а потом послушать, что же они думают о прочитанном, какие мысли витают в их юных головах.

Рассказ она выбрала свой самый любимый, «Растрепанный воробей». Детишки притихли и наострили ушки, когда мелодичный голос Шуры зазвенел в саду. Она склонилась над книгой, ее русые волосы закрыли часть лица и переливались всеми оттенками на солнце, что так приветливо ласкало сверху эту литературную группу.

Сколько бы раз она не читала это рассказ, всегда неизменно наслаждалась красивым языком автора, его умением вдыхать жизнь в неодушевленные предметы. И каждый раз, когда читала, как отважный воробей Пашка врывается в зал Большого театра, держа в клюве хрустальный букетик, как кладет его в руки балерины, исполняющей партию Золушки, глаза Шуры наполнялись слезами. Ее сентиментальная душа восторгалась умом и отвагой этой маленькой преданной птички.

Литературный час пролетел, как одна минута. По глазам детей Шура видела, как им все понравилось. Сама испытывала удовлетворение от того доброго и светлого, что только что совершила.

День рабочий подходил к концу. Шура заканчивала наводить порядок в картотеке, когда в дверь заглянул Слава. С ним она познакомилась почти сразу же, как только устроилась сюда. Он работал этажом выше, в какой-то торговой фирме. И знакомство их началось с почти трагедии, когда он чуть не задавил Шуру, сдавая задом. Ох и порцию адреналина она тогда хапнула. Но он так умело замаливал грехи, что с тех пор они сдружились по-настоящему. Почти каждый день он ее подвозил с работы домой, когда сам не задерживался допоздна. Вот и сейчас с неизменной улыбкой и с ямочками на щеках он ворвался в библиотеку и с порога заголосил:

— Хорошим девочкам пора домой. Хватит уже трудиться на литературной ниве.

Шуре еще и потому нравилось общаться со Славой, что он отличался необычайной начитанностью. Книги он «проглатывал» одну за другой. Сам рассказывал, что читать запоем начал, как только научился, года в четыре. Вообще, в нем удивительным образом сочетались крайняя несобранность, которая жутко мешала ему учиться в школе, и удивительная любознательность, что заставляла его читать все, где только были буквы. Но школу он закончил почти на одни тройки. Ни в какой институт даже и не думал поступать — сразу же пошел работать. И выбор направления его удачно пал на торговлю — как торговому агенту ему цены не было, умел продавать все.

— Еще минуточку, — попросила Шура и глянула в окно.

Солнце еще светило высоко, и настроение девушки резко взлетело вверх. Как же она его любила! Как и оно ее. Друзья даже называли ее солнечным зайчиком, говорили, что и от нее исходит тепло, как и от солнца. Шура только посмеивалась, но любви своей не изменяла. Больше всего ей нравилось в выходные гулять по улицам, когда на небе не было ни облачка, когда яркие лучи струились буквально на все, что находилось рядом, обволакивали, рисовали причудливые тени... В такие моменты Шура, и вправду, чувствовала себя солнечным зайчиком, готовым скакать с предмета на предмет и заражать буквально все и всех вокруг своим радужным настроением.

— Жду в машине.

Вихрастая голова Славы скрылась за дверью, и Шура тоже встала из-за стола. Она быстро покидала личные вещи в сумочку, провела пару раз расческой по волосам, тронула бледно-розовой помадой губы и выскочила за дверь, даже не поглядевшись в зеркало. Все вокруг твердили ей, какая она красивая. Но с этим Шура была категорически не согласна. Не может считаться красивой женщина, у которой губы слишком пухлые, глаза чересчур близко посажены, а нос больше напоминает пуговицу, такой он маленький. Без ложного кокетства, она старалась поменьше смотреть на себя в зеркало. Да и фигурой своей она была не довольна. Слишком тощая и высокая. А грудью наоборот природа наградила ее пышной. Постоянно ловила мужские взгляды не на том, на чем хотелось бы. Она хотела, чтобы ее ценили за острый ум, а не за выдающуюся грудь.

В этот город Шура переехала сразу по окончании школы. Мать настояла, хоть она и пыталась сопротивляться. Ей нравилась жизнь в деревне — чистый воздух, простор. Она любила вставать ни свет, ни заря, давать курам корм и смотреть, как местный пастух гонит коров на утренний выпас. Все в родной деревне ее устраивало, кроме отца. Еще и по этой причине мама была непреклонна. Временами отец уходил в запой. Не часто, но, как говорится, редко, но метко. Длиться это могло несколько дней. Тогда в доме наступал ад. Постоянная ругань родителей, частенько отец поднимал руку на мать, но и та в долгу не оставалась — колотила его неслабо. В такие дни Шура старалась как можно меньше времени проводить дома, возвращалась, когда отец уже спал.

Серьезный разговор с матерью состоялся у нее сразу после выпускного. Да и не разговор это был, а монолог матери. Она сообщила, что созвонилась с двоюродной сестрой, и та согласилась, чтобы Шура пожила у нее первое время, пока не найдет что-нибудь. Ей вручили небольшую сумму денег, скопленную матерью в тайне от отца и отправили в город.

У тетки ей жилось несладко — не сошлись характерами с ее дочерью, что была на три года старше. После первого курса библиотечного техникума, куда Шура поступила без труда, она добилась того, что ей выделили комнату в общежитии. А когда она училась на последнем курсе, умер отец от сердечного приступа. Тогда мать продала половину дома, а деньги прислала ей, велела поместить в банк под хорошие проценты. Так Шура смогла позволить себе снимать однокомнатную квартиру и с полным правом считать себя самостоятельным человеком. К тому времени она уже закончила техникум и устроилась на работу в местную библиотеку.

— Куда поедем? — спросил Слава, как только она опустилась на соседнее сидение.

— Домой, конечно.

— А может, поужинаем где-нибудь? — робко закинул он удочку.

— Нет, Славик, я устала. Много книг сегодня пришлось перелопатить. Новое поступление... Хочу домой.

— А у тебя каждый день новое поступление, — обиженно отвернулся он. — Еще ни разу ты не согласилась куда-нибудь пойти со мной вечером. Не на свидание, а просто так. Вечно находишь отговорки. Только в обед и удаётся тебя вытащить.

Слава вырুলивал со стоянки, не глядя на Шуру.

— Вот скажи, пожалуйста, чем ты занимаешься по вечерам? — вдруг повернулся он к ней, заняв свой ряд в плотном движении на дороге.

— Слав, ну какая разница?..

— Какая разница?! Да я тебя почти три года знаю, а домой ты меня не приглашала ни разу. Я тебя звал на день рождения, так ты нашла предлог, чтобы не идти. Что вообще

происходит, Шур?

Никогда раньше она не видела его таким злым. Это его нужно спросить, что происходит? С чего это он вдруг именно сегодня решил окрыситься на нее? Да и не обещала она ему никогда и ничего.

В этот момент на ярко-голубое небо набежало малюсенькое облачко. И откуда оно только взялось, но светило закрыло целиком, моментально погружая город в предвечерние сумерки.

— Знаешь, что! Или высади меня прямо здесь, или вези домой молча!

Ответом Шуре послужил лишь крайне удивленный взгляд ярко-голубых глаз.

Шер распахнула дверцы платяного шкафа и придирчиво рассматривала гардероб. День выдался жарким, а ночью снова начал накрапывать дождь. Но она любила дождь, как что-то родственное душе. И ненавидела солнце. Оно отравляло ее существование.

Выбор пал на облегающий ярко-красный топ и черные кожаные штаны. Сверху накинёт куртку, чтобы не мерзнуть. Мерзнуть она тоже ненавидела. Это ее выдергивало из состояния комфорта.

Уже находясь в полной амуниции, Шер еще раз проверила почту и удовлетворенно усмехнулась алыми губами. Подтверждение получено. Он уже ждет ее в гостинице.

Через десять минут к подъезду ничем не примечательной пятиэтажки подъехало тонированное такси. Из дома вышла стриженная под каре высокая брюнетка. Окинула пустынный двор внимательным взглядом и скрылась в машине.

Шер назвала водителю адрес гостиницы, откинулась на спинку сидения и прикрыла глаза.

Клиентов она выбирала сама, на сайте знакомств. Просила присылать настоящие фотографии. Ее не волновал возраст или внешность. Важны были глаза, их выражение. Она долго всматривалась в них, листая страницы, пока не находила то, что искала. Потребность. Именно в ней. Она должна быть уверена, что даст ему именно то, что он хочет, что может она дать. И ничего не получит взамен. От него ей ничего не нужно.

Лишь однажды у нее случилась осечка, в самом начале. Воспоминания нахлынули волной, закрыться она не успела.

Коридор тонул во мраке. Приходилось пробираться практически на ощупь. Никакая это не гостиница. Больше похоже на общагу, не самую лучшую. Обшарпанные стены, заляпанный липкий пол. Одна лампочка на этаж, которой еще хватает, чтобы осветить лестничный пролет, а дальше начинаются потемки.

Шер здорово трусила, чувствовала, как трясутся ноги в коленках. Но нельзя подавать виду. Они должна быть сильной, властной... Вот и номер, 202. Хорошо, что не пришлось тащиться через весь коридор. Осталось собраться с силами и постучать. А еще унять дрожь в коленках и нацепить маску безразличия на лицо.

Раз, два, три... и еще раз. Условный сигнал. Дверь обита дерматином, удары еле слышны. В руках противная слабость, ладони нещадно потеют. Шер быстро вытерла их о брюки.

Дверь распахнулась. Шер переступила порог, не сводя глаз с мужчины. Точно такой же, как на фото: высокий брюнет, с правильными чертами лица. Фигура атлетическая. Только вот глаза... Там они у него были другие — не такие холодные и властные. Там они желали ее, а сейчас презирают. Эта мысль мелькнула как раз в тот момент, когда за спиной захлопнулась дверь, преграждая путь к отступлению. Если бы не эта дверь, Шер сбежала бы тогда. И если бы не эта дверь, ничего бы у нее не получилось сейчас.

— Проходи, красавица, не стесняйся, — голос удивительно гармонирует с внешностью. У таких мужчин может быть только глубокий волнующий баритон. Но Шер он не нравился, возможно потому, что в нем чувствовалась фальшь. — Не дворец, конечно, но и ты не королева.

Она помнит все до мельчайших подробностей. Как он не дал ей даже слова сказать или

осмотреться, как сразу же приступил к делу. Он сорвал с нее блузку одним резким движением. Она видела, как разлетаются в стороны жемчужные пуговицы, и страх затапливал ее все сильнее. С тех пор она не надевает блузки, только топы — плотные, обтягивающие тело.

Он толкнул ее на узкую жесткую кровать, и она больно ударилась головой о стену. От боли замутило. Хотела сесть, но ей и этого не позволили — чужая рука с силой надавила ей на живот, пригвождая к кровати.

— Я буду делать тебе больно, а ты будешь терпеть, — на лбу мужчины выступила испарина, в глазах появился нездоровый блеск. — Если пикнешь, разукрашу так, что мама родная не узнает.

Дальше последовал ад. Он распял ее на кровати, привязав руки и ноги к металлическим перекладинам спинки. Предварительно раздел до гола. Каждый раз, когда она пыталась сопротивляться, молча, пряча крик за стиснутыми зубами, он бил ее по лицу — с силой, наотмашь. Слезы невольно полились из глаз, но она упорно молчала, глотая их.

— Ты получишь за всех сук, что пытались унижить меня, подчинить себе, — злобно цедил он, снимая с себя одежду, пока не остался совсем голый. Краем глаза, а скорее последними проблесками сознания, Шер уловила, что мужчина не возбужден. Его член вяло свисал, и хозяина это тоже злило.

Ни разу в жизни Шер еще не было так больно. Он кусал, щипал ее, дергал за волосы, раздирал ее вагину и анус пальцами и какими-то предметами в виде резиновых стержней разной толщины. Боль была такая, что позволить Шер себе закричать, не смогла бы уже остановиться. Но она молчала, лишь скрип зубов противным скрежетом отдавался в ушах.

У него ничего не получалось. Несмотря на все попытки истязать ее тело, эрекция так и не наступала.

Шер могла бы попытаться помочь ему, если бы захотела. Но она его ненавидела, желала смерти. За его слабость, трусость и беспомощность. Если бы только остались силы, она бы рассмеялась ему в лицо. И пусть бы он тогда убил ее... Но силы были на исходе. Ее тело превратилось в сгусток боли. Она не чувствовала рук и ног.

Он тоже устал. На какое-то время оставил ее в покое. Закурил и молча выпускал дым в потолок, сидя в сторонке. Пока его не осенила новая идея. Этого уже вынести Шер оказалась не в силах. Когда он первый раз припечатал к ее лобку горящий кончик сигареты, она потеряла сознание. Потом таких ожогов она насчитала ровно десять. Потом... Ей потребовался месяц, чтобы прийти в себя и привести свое тело в порядок, после того, как очнулась в двести втором номере голая, избитая и совершенно одна. Хорошо хоть руки и ноги были отвязаны.

Она не помнит, как добралась тогда домой. На это ушли ее последние силы. Неделю не вставала с кровати, пока не затянулись телесные раны. Она скрыла свое состояние от всех. Ни знакомые, ни родственники не знали, что все это время она находилась дома.

Шер выкарабкалась и поняла одну вещь. Она сделает все, чтобы проучить их. Она будет мстить, но изощренно, заставляя их терять голову, становясь их идолом, наваждением. И больше никогда она не позволит себе ошибиться. Она сумеет себя защитить.

Первым делом, когда поняла, что в состоянии выйти из дома и посмотреть людям в глаза, Шер записалась на курсы самообороны. Она проходила на них ровно столько, пока не почувствовала себя уверенно, не изучила несколько безотказных приемов. Больше они ей были не нужны. И каждый день она ходила в тренажерный зал, закаляя мышцы, тренируя

тело.

Через два месяца она стала новой Шер, только вот имя решила оставить прежнее, в надежде разыскать того ублюдка.

Таксист затормозил возле входа в частную гостиницу, возвращая Шер в реальность. Она уверенно миновала рецепшн, точно зная, что скажет, если ее окликнут. Но никого не заинтересовало, куда она направляется. Сонная девушка лишь безразлично проводила ее взглядом, оценивая подтянутую фигуру и строгий прикид. По всей видимости, к ночным посетительницам тут привыкли.

Ее уже ждали. В номере был сервирован прикроватный столик. В ведерке со льдом охлаждалась бутылка шампанского. Да тут обитает романтик! Но она еще раньше догадалась об этом.

Так что же ты хочешь? Шер заглянула в глаза невзрачного с виду мужчины. Пиджак висел на нем мешком, брюки пузырились на коленях, ворот рубашки был не первой свежести... Да, за тобой плохо следят, голубчик. Ласки. Ты хочешь ласки, простого человеческого тепла. И ты сомневаешься, что можешь получить это от меня. Сейчас ты опасаясь, что перед тобой стоит стервозная сучка, каких ты боишься. Но нет, дорогой. Я тебя так обласкаю, что ты будешь всю оставшуюся жизнь мечтать обо мне, искать повсюду... Я стану твоим видением и во сне, и наяву. Но ты меня больше никогда не увидишь.

— Привет, — улыбнулась Шер, отчего лицо ее преобразилось небывалым образом. Из самоуверенной самки она превратилась в безалаберного подростка. — Давай, не будем спешить, — прикрыла она дверь и расстегнула молнию на куртке, одновременно снимая обувь. Она прекрасно осознавала, что босая станет к нему гораздо ближе, нежели в лакированных туфлях на высоких шпильках. — У нас впереди вся ночь. Сначала просто поболтаем, — легко прошла она к столу.

Тебя прочитали, голубчик, как открытую книгу. Еще больше секса тебе не хватает простого человеческого общения. Кто же твоя жена, милый? И как же я вас всех ненавижу!

Настроение у Шуры балансировало между отметками «я держусь из последних сил» и «отвратительное». С утра зарядил дождь, как следствие, она проспала на работу. Пришлось носиться по квартире, собираясь впопыхах, а потом еще мокнуть на остановке, потому что свой автобус она пропустила. И в довершение всего, ее окатило из лужи, когда по ней со свистом промчался какой-то лихач.

В библиотеку она входила темнее грозовой тучи, что заволакивала все небо.

— Ты что?! С ума сошла?! — всплеснула руками Вера Павловна. — Кто ж под дождем без зонта разгуливает?

Шура до такой степени ненавидела дождь, что зонт не покупала принципиально. Догадывалась, как глупо это выглядит со стороны, но ничего не могла с собой поделать. Если только была малейшая возможность, в дождь она и носа не казала на улицу. Но случались и исключения, такие, как сегодня.

— На ка, вытри лицо и волосы, — протянула ей начальница неизвестно откуда взявшееся полотенце. — Я уже собиралась звонить тебе, узнавать, не случилось ли чего?..

Если бы не рисковала выглядеть грубиянкой, Шура бы промолчала, до такой степени ей не хотелось разговаривать. Из последних сил выдавила из себя:

— Я проспала.

— Ну бывает, — добродушно рассмеялась Вера Павловна, чем еще больше взбесила Шуру. — Позвонила бы, предупредила... Я бы тут и сама справилась. Вряд ли сегодня будет читательский аншлаг, — веселилась женщина, не замечая, как на лице Шуры скапливается все загустевающая тень. — А я сегодня часов с двух не сплю, — хлопотала она возле столика, заваривая чай. — Проснулась и больше не смогла уснуть. Ворочалась, пока тело ломить не стало, тогда...

— Хватит!

Вера Павловна выронила чашку. Та, подпрыгивая, покатила по полу, а возле плинтуса вдруг рассыпалась на мелкие осколки. Шура хмуро наблюдала за ее траекторией и печальным финалом, даже не глядя на застывшую в углу начальницу.

— Пойду я работать. Кажется, кто-то пришел, — тихо промолвила пожилая женщина, пытаясь замаскировать обиду и пряча дрожащие руки в карманы сарафана.

Впрочем, старалась она напрасно — Шура на нее продолжала не смотреть. Взгляд ее все еще был прикован к осколкам возле стены.

— Уберешь тут, — велела начальница. — И приходи работать... как успокоишься, — тише добавила она и покинула закуток, отгороженный пустыми стеллажами.

Здесь они обычно обедали и устраивали небольшие чаепития. Чайник закипел, и Шура машинально отметила, как отщелкнулся выключатель. Зачем она так?.. Почему не сдержалась, дала выход злости? В душе расплзалась чернота, заражая отчаянием. Когда же закончится этот проклятый дождь?! Шура с тоской посмотрела на залитое водой окно. Небо по-прежнему серело огромным пятном и ни намек на просветление она не заметила.

Нужно найти в себе силы и начать работать.словно древняя старуха, Шура с трудом поднялась со стула. В ногах ощущалась вековая тяжесть, когда она двигалась по проходу к своему рабочему месту.

Начальница даже не оторвалась от работы, когда Шура остановилась в метре от нее.

— Простите меня, — с трудом пошевелила она непослушными губами. Больше всего ей сейчас хотелось на кого-нибудь накричать. От бессилия и бешенства глаза наполнились слезами.

Вере Павловне достаточно было одного взгляда на страдальческую физиономию Шуры, чтобы в ее доброй душе проснулось сочувствие. Она суетливо вскочила со стула, схватила грубиянку за руки и торопливо заговорила:

— Шурочка, во мне нет обиды, — заглядывала она той в глаза. — Я просто не понимаю, что с тобой происходит. Может быть, ты устала? Так походи домой, отдохни. Я тут и одна справлюсь. Если тебя кто-то обидел, так ты не держи в себе, поделись... иногда совет друга творит чудеса. А порой нам всем просто выговориться нужно.

Шура смотрела на нее, машинально улавливая смысл слов, и думала, что если она сейчас хоть на что-нибудь не отвлечется, то просто сойдет с ума. Не выдержит ее мозг давления, которому подвергается изнутри в данный момент. Произойдет вспышка, и все исчезнет.

— Можно я порисую, там, в уголочке? — сказала она первое, что пришло в голову, кивая на детские столики с аккуратными стопками листов и пастельными мелками. Это был уголок досуга для малышей, что приходили с мамами в их библиотеку.

— Ну, конечно!

Если Вера Павловна и удивилась ее просьбе, то даже виду не подала. Она подвела ее к столику, как тяжело больную. Помогла опуститься на стул и положила перед ней листок.

— Рисуй, детка, рисуй. Рисуй, пока снова не станешь собой — нашим солнечным зайчиком.

Вера Павловна еще какое-то время смотрела на Шуру, но та ее не замечала, разглядывая мелки, перебирая их дрожащими пальцами... В глазах начальницы читались скорбь и непонимание. Когда Шура провела несколько линий желтого цвета, оставляя на листе яркий отпечаток, женщина покачала головой и удалилась к своему столу. Но еще долго она нет-нет, да поглядывала в сторону девушки с неизменным беспокойством.

Шура забыла о времени. Она чертила на листах мелками, пытаясь добиться нужного оттенка. И использованные листы летели на пол, возле нее их уже скопилось пару десятков. Не получалось... Все не то... Солнце должно быть ярче и не такое желтое. Она точно знает, какое оно. Она же любит его больше всего на свете. Вот! Это уже похоже... Еще чуть-чуть, и она оживит его.

Погруженная в себя, Шура ничего вокруг не замечала. Она не видела, как в библиотеку зашел Слава. Он какое-то время топтался возле порога, поглядывая на нее, а потом подошел к Вере Павловне, и они долго о чем-то шептались. Если бы Шура в этот момент обратила на них внимание, то поняла бы, насколько расстроен тот, кого она привыкла считать своим другом. Даже в одежде его, всегда безупречной, сегодня проскальзывала небрежность — рубашка кое-где вылезла из брюк и торчала из-под куртки, галстук он вообще забыл или не захотел повязать. А ведь галстук — неотъемлемая часть внешнего вида агента, его визитная карточка. Да и причесаться Слава сегодня явно не успел — черные волосы торчали во все стороны. И под глазами его залегли темные круги, словно он всю ночь думу думал, вместо того чтобы спокойно отсыпаться.

С каждым новым штришком Шура чувствовала, как тот огромный айсберг, что с утра плавает по океану ее души, медленно, но таит. Дышать становилось легче, на плечи не давила вековая тяжесть. Мышцы лица тоже расслаблялись, она ощущала это физически.

Губы уже привычно трогала улыбка, когда она смотрела на творение рук своих, так похожее на оригинал.

Славу Шура заметила, когда он уже несколько минут стоял рядом с ней и рассматривал яркое блестящее солнце, нарисованное ею.

— Привет! — улыбнулась ему Шура, но тут же нахмурилась, заметив следы усталости на его лице. — Что-то случилось? — с тревогой в голосе спросила она. Наконец-то, собственные проблемы отошли на второй план, гораздо важнее для нее было выяснить, что так беспокоит ее друга.

— Все хорошо, — одними губами улыбнулся он ей в ответ. Глаза его все так же печально разглядывали ее. — Пойдем обедать?..

Как? Время уже обеденное? Шура мельком взглянула на часы. Она столько времени прозанималась ничем? Стыд вспыхнул в душе. Как она теперь посмотрит в глаза начальнице?

— Я, наверное, не пойду... Работать нужно.

— Нет, Шурочка, иди, прогуляйся, — перебила ее Вера Павловна. Все это время она внимательно прислушивалась к их разговору. — Тебе нужно проветриться, да и дождь, кажется, пошел на убыль...

Шура взглянула в окно. Действительно, небо посветлело. Где-то там, за тонкой пеленой уже угадывалось солнце. От этой мысли настроение ее вспорхнуло, как стайка испуганных воробьев, сердце сильнее забилося в груди. Захотелось броситься Славе на шею и расцеловать его. Но, конечно же, она не стала этого делать, помня, что расстались они вчера не очень хорошо, и прощение его ей еще предстоит получить.

Дождь уже едва моросил, когда они вышли на улицу и сели в машину. Шура понимала, что должна что-то сказать. Слава вел себя, как обычно, повернул ключ в замке зажигания, тронул машину с места, плавно выехал со стоянки... Но она чувствовала, что он ждет, когда она заговорит первая.

— Слав, ты меня извини за вчерашнее, ладно? Сама не знаю, что на меня нашло... — она кривила душой, потому что отлично понимала, почему резко испортилось настроение, отчего не сдержалась и нагрубилась ему. Но объяснять все не имело смысла, вряд ли он поймет, а осуждать станет еще сильнее. Не хотелось терять друга.

— Шур, не надо, — бросил он мимолетный взгляд на нее и снова сосредоточился на дороге. Но Шура успела заметить боль в его глазах. — Не нужно объяснять то, что я не в состоянии понять, — облегчил он ей задачу. — Если я за почти три года так и не разобрался, что же ты за человек, то вряд ли сделаю это сейчас, — он снова посмотрел на нее, на этот раз с доброй улыбкой. У Шуры от сердца отлегло, она поняла, что он больше не сердится. — Лучше скажи, где хочешь пообедать?

Есть совершенно не хотелось, и она назвала первый пришедший на ум ресторан, где подавали бизнес ланчи. Через пять минут они уже усаживались за свободный столик в полупустом зале.

Когда расторопная официантка принесла им заказ, и Шура внезапно поняла, что проголодалась, Слава ненароком спросил:

— Ты когда к маме ездила в последний раз?

Уже прошел почти год, как Шура виделась с мамой. Деревня находилась не на краю света, но добираться до нее нужно было целый день, да еще и на перекладных. Прямой автобус туда не ходил. В прошлом году, летом, Шура провела отпуск в родной деревне.

После этого так и не выбиралась больше туда, за выходные не успела бы, а в праздничные дни все время находились какие-то дела, и поездку приходилось откладывать до лучших времен.

— Я просто подумал, — снова заговорил Слава, когда Шура ему во всем честно призналась. — У меня отпуск через неделю. Ехать куда-то далеко не хочется. А вот в деревне с недельку я бы пожил. Как ты на это смотришь? Пригласишь меня в гости? Хочу понюхать ваш воздух, про который ты мне столько рассказывала, — улыбнулся он своей самой подкупающей улыбкой.

— Ты, конечно, можешь поехать, — слегка удивленно и от этого медленно заговорила Шура, — но без меня. У меня-то отпуск в августе. Но, думаю, мама с радостью примет такого гостя.

— Без тебя я туда не поеду. А ты могла бы взять неделю в счет отпуска, — внимательно посмотрел он на нее.

Слава не стал рассказывать, что буквально полчаса назад у него состоялся серьезный разговор с Верой Павловной. И именно она подкинула ему идею, увезти Шуру к маме, заставить отдохнуть. И конечно же, никакого отпуска через неделю у него и не планировалось. Но этот вопрос он запросто урегулирует с руководством. В конце концов, желающих отдохнуть весной не так уж и много, а вот летом напротив всегда ажиотаж.

— Погоду обещают замечательную, — елеинным голосом уговаривал он, делая вид, что интересуется его исключительно содержимое тарелки. — А у вас там есть речка, ты говорила... Можно будет ходить купаться.

Шура задумалась. Внезапно перспектива отдохнуть ей показалась до такой степени заманчивой, что даже почудилось будто запахло родной деревней. Она вспомнила маму, и на глаза навернулись слезы. Как она там? Ведь даже звонила ей в последний раз, уже и не помнит, когда. А ведь кроме Шуры у нее больше никого не осталось. И когда-то, в детстве, они с мамой были так близки...

Шура не замечала, с каким напряжением наблюдает за ее лицом Слава, словно от ее решения зависела его жизнь. Он видел слезы в ее глазах и чувствовал непреодолимое желание защитить. От чего и сам не знал, только видеть не мог ее страдания и борьбу с самой собой. Слава уже давно понял, что познакомился с самой непростой и загадочной девушкой на планете. И с каждым днем ему все сильнее хотелось разгадать ее. Так часто, как Шура, никто не выводил его из себя. Почти всегда у него получалось сдерживаться, не подавать виду. Но вот вчера не смог, вспылал. Он и сам не знал, как относится к ней, только равнодушным она его точно не оставляла.

— Я поговорю с Верой Павловной, — кивнула Шура, и на губах ее заиграла улыбка. Даже в ресторане сразу стало светлее. Кроме того, дождь перестал, и с неба уже робко проглядывало солнце, лаская прохожих пока еще редкими лучами.

— Вот и отлично! — нарочито бодро и незаинтересованно воскликнул Слава, хоть ему в данный момент и хотелось больше всего стиснуть ее в объятьях, такая радость внезапно на него нахлынула. А возможно, он просто тоже устал и ухватился за возможность отдохнуть, слившись с природой. — Тогда сегодня же пиши заявление, и в пятницу отправимся...

— В пятницу? Так это же послезавтра? А ты сказал, что отпуск у тебя только через неделю.

— Неделю я не вытерплю, — честно признался Слава. И пусть он вкладывал в слова совсем иной смысл, нежели она подумала, результата это не меняло.

Шура не выдержала и рассмеялась, таким потешным ей показалось его лицо. Все-таки он хороший! Самый лучший из всех парней и настоящий друг!

Как протекала бы наша жизнь, если бы миром завладела ночь? Все время и везде царила бы темнота. Все окрасилось бы в серо-черную гамму. Нет, конечно, от других цветов мы бы не избавились, ведь мир наполнила бы тогда иллюминация. Но это только добавляло бы ей яркости и лишало бы натуральности. Все вокруг стало бы искусственным, раскрашенным вручную. И как бы чувствовали себя при этом люди? Наверное, поначалу им было бы дискомфортно, но постепенно бы привыкли и даже стали находить в подобной жизни определенную прелесть. Но только не она...

Шер поднималась по лестнице отеля, размышляя о любимом времени суток — ночи. Она ее любила именно за то, что та так не была похожа на день. Только ночью она жила по-настоящему, позволяя себе быть самой собой. А днем приходилось притворяться, пускать людям пыль в глаза.

Сегодня у нее планировалось нечто особенное, изощренное. Не секс, а искусство.

Этого мужчину она уже давно заприметила. Он не раз «стучался» к ней, но все время его сообщения она оставляла без ответа. И на то была причина. Дело в том, что ничего, кроме упрямства, она в его глазах не видела. Если он так настойчив просто из спортивного интереса, то не заслуживает даже толики ее внимания. Вот уж чем она точно не занималась, так это соревнованием с другими девушками, что посвятили себя примерно такому же занятию.

Вчера она в очередной раз получила от него письмо. Предложение было более чем щедрое. Но деньги ее интересовали меньше всего, хоть и зарабатывала она прилично. Около часу она рассматривала фотографию мужчины. Типичный представитель удачливых людей и явно любимец женщин. Точно не прожигатель жизни, не дамский угодник. Возраст колеблется между сорока и сорока пятью. Лицо симпатичное, в меру властное. Таких принято называть самодостаточными, твердо стоящими на ногах. Скорее всего давно и прочно женат — не видит она в его глазах голода холостяка. Да и жена, скорее всего, отвечает всем его требованиям. Возможно, периодически он заводит связи на стороне, исключительно от пресыщенности, ради ярких свежих впечатлений. И уж точно он не нуждается в услугах девушки по вызову. Откуда же тогда такая настойчивость? Что ему нужно от нее?

Шер приблизила лицо к монитору. Если раньше она видела одно лишь упрямство, то сейчас в его глазах промелькнуло что-то еще, похожее на беспокойство. А это уже любопытно. О чем могут переживать такие типы? Ей вдруг стало ясно, что именно от нее ему что-то очень сильно нужно. Только, она по-прежнему даже примерно не понимала, что. Точно не запоминающийся секс. Эту мысль Шер отмела сразу. Любопытство уже разыгралось не на шутку, рождая спортивный интерес. Раздумывать долго не стала — ответила на письмо и назначила встречу.

Она поднималась по лестнице и даже примерно не догадывалась, что ждет ее в номере отеля. Интуиция не предупредила ее о чем-то плохом. А Шер привыкла доверять своему шестому чувству, которое почти никогда не подводило. Почти никогда... Крохотное беспокойство, как реакция на самозащиту, впрыскивало в кровь небольшие порции адреналина. Но от этого она испытывала только еще больший азарт и желание разгадать его тайну. Даже традиционному наряду, сочетанию черного с чем-то ярким, Шер сегодня

изменила. Со стороны она выглядела не как ночная бабочка, а обычная девушка — коротенький джинсовый сарафан, туфли-лодочки без каблука и легкий пуховик, защищающий от прохлады майской ночи.

В жизни этот типичный представитель самцов оказался даже интереснее, чем на фото. Высокий, подтянутый, спортивный. Явно следит за собой и намерен молодиться как можно дольше. Только вот Шер по-прежнему не понимала, что делает здесь. Она читала заинтересованность в его глазах, но какую-то странную и настораживающую.

Шер не спешила переступить порог, увлеченная разглядыванием клиента.

— Именно такой я вас и представлял? — одними губами улыбнулся мужчина. Глаза его по-прежнему оставались серьезными и... Вот! Наконец-то она поняла! Рядом с уверенностью, только очень глубоко, в них плескалась грусть, даже отчаяние. Мужчина отлично маскировал свои чувства, но ее-то провести трудно. Именно это и заставило ее согласиться на встречу.

— Странно, — машинально отозвалась она, переступая порог номера и занятая своими мыслями.

— Что именно? — в голосе мужчины читалось удивление, смешанное с иронией.

— То, что вы меня представляли такой.

— Вот как?

— Да. Обычно я другая...

Шер осмотрелась. Обыкновенный номер-люкс, который клиенту явно по карману. Никаких приготовлений к ночи любви она не заметила. Правда, может сюрприз ее ожидает в спальне — в номере точно не одна комната.

— Присядьте, пожалуйста, — предельно вежливо обратился к ней клиент, указывая на кресло.

И это тоже показалось Шер странным. Но спорить она не стала, выполнила просьбу, приготовившись слушать. Любопытство уже вовсю бушевало в ней. Об опасности опять же ничто не предупреждало.

— Я рад, что вы согласились помочь... — растягивая слова, словно взвешивал каждое перед тем как произнести, начал мужчина. — Поймите меня правильно, но обычно я не пользуюсь услугами... подобного рода.

Ну об этом-то она уже догадалась, предположим. Но к чему он клонит, и откуда такая неуверенность? Шер видела, с каким трудом ему удастся сохранять спокойствие. Она подметила и сцепленные пальцы с побелевшими костяшками и побледневшее лицо с выступившей на лбу испариной. Ситуация становилась все интереснее, даже пикантнее. Разгадать его она по-прежнему не могла, как ни старалась. А поэтому приготовилась слушать.

— В ваших услугах я не нуждаюсь. Вернее, нуждаюсь, но не так, как вы могли подумать, — поправился он. На Шер он не смотрел, и она не могла видеть, что сейчас выражает его взгляд. — Мне очень нужна ваша помощь, но... для сына.

Мужчина судорожно вздохнул, и Шер с ужасом осознала, что он из всех сил борется со слезами. Этот сильный самец, что сидел сейчас в соседнем с ее креслом, готов был разрыдаться, как кисейная барышня. У него даже кадык заходил вверх-вниз, словно ему не хватало воздуха. Невольно рука мужчины потянулась к галстуку и ослабила узел.

Шер не перебивала, чувствуя растерянность, какой давно не испытывала, и что-то еще, подозрительно похожее на жалость. Во что она опять намерена вляпаться, и может ли она

себе это позволить?

— Моему сыну семнадцать, — все так же не глядя на нее, продолжал он говорить. — У него лейкемия. Надежды никакой... — снова последовал судорожный вздох, и Шер почувствовала, как увлажнились ее ладони. А такого с ней не случалось со школьных времен. Это свидетельствовало о высшей степени волнения. — Ему осталось... недолго. И у него никогда не было женщины.

Мужчина говорил отрывисто, даже грубо. Видимо, только так он мог справиться с волнением. По спине Шер пробежал холодок от осознания полноты горя, что видит сейчас перед собой. Но она отогнала это чувство, как мешающее делу. Да и разучилась она сострадать, принуждая себя мыслить отстраненно.

— Покажите ему, как это может быть, — тут он посмотрел на нее, и столько боли в таких сильных глазах она еще никогда не видела. — Не хочу, чтобы он... он должен испытать это перед...

— Я все поняла.

Больше Шер не могла смотреть на него и оставаться спокойной. Станным образом его горе заражало ее, и она начинала чувствовать себя несчастной. Самое лучшее сейчас, это отказаться и бежать отсюда, сломя голову, но почему-то она не могла так поступить. Вместо этого сказала:

— Где же ваш сын?

— Он в соседней комнате. Я сейчас уйду и оставлю вас одних. Не волнуйтесь, он находится в хорошей форме и способен выдержать это... — мужчина снова замялся, словно подбирая слова. Но продолжать передумал, ограничился лишь: — Вернусь через два часа, на столько я снял номер. Деньги на столе, — Шер кинула взгляд на полированную поверхность и заметила небольшую стопку купюр. — Если вас к тому моменту не будет... то хочу сейчас сказать спасибо. Уверен, что вы сделаете все, как нужно. Я искал лучшую.

Мужчина ушел, оставив Шер одну. Из соседней комнаты не доносилось ни звука, и она уже начала сомневаться, что там кто-то есть. Уж не розыгрыш ли все это? Но таким вряд ли кто-то станет шутить.

Она встала, поправила сарафан и заставила себя успокоиться. Подошла к плотно закрытой двери и снова прислушалась. Ни единого звука. Как можно увереннее постаралась распахнуть дверь и тут же замерла на пороге. В кресле, в наушниках и с закрытыми глазами сидел поразительно красивый юноша. Черные слегка волнистые волосы обрамляли бледное лицо с запавшими глазами. Идеальной формы руки с длинными пальцами покоились на коленях и слегка подрагивали. Губы временами трогала улыбка, и тогда становилось понятно, как он еще юн и неопытен.

Впервые за столько времени на глаза Шер навернулись слезы. Первый раз ей захотелось сделать что-то хорошее, даже прекрасное для представителя вражеского стана. И она не стала бороться с собой. Подошла к парню и ласково коснулась его волос. Он распахнул глаза с пушистыми ресницами, и Шер показалось, что она окунулась в два синих озера.

— Привет, — улыбнулась она.

— А вы очень красивая, — снял он наушники и отложил в сторону. Ни тени смущения на его лице она не заметила, лишь радость предвкушения от того, что ему предстояло испытать. — Другой бы я и не хотел...

— Тогда пойдем, — взяла она его за теплую мягкую руку и потянула к себе. А потом подвела к кровати и откинула покрывало. — Мне нужно многое тебе показать, не будем

медлитель, — ободряюще улыбнулась она ему.

Шер впервые испытывала настолько полное удовлетворение, когда ехала обратно в такси. То, что случилось несколько часов назад, было прекрасно, и она не боялась этого слова. Мальчика звали Герман, и из него мог бы получиться великолепный любовник со временем... Только, времени-то как раз у него этого и не было.

Шер позволила себе заплакать, до такой степени ей стало его жалко. А еще она злилась на несправедливость, что такие, как этот юноша, умирают, а отбросы продолжают жить и загаживать атмосферу своим гнилым дыханием. Воспоминания нахлынули, как всегда, внезапно. Стоит лишь раз дать себе слабину, как вся защита летит к чертям.

— Только пикни, сука, и станешь ходячей легендой, — пахнувшая чесноком ладонь с силой прижалась к ее рту, перекрывая доступ воздуху, впечатывая голову в жесткий диван. — Будешь паинькой, даже почувствуешь удовольствие, — второй рукой он больно ущипнул ее за сосок, скрытый тонкой тканью сорочки.

Она до смерти боялась закричать, чтобы всех не перебудить. Тогда они все станут свидетелями ее позора. В лицо дохнуло чесночным перегаром, и ее замутило. С трудом справилась с рвотным позывом, знала, что если вырвет, то он изобьет ее до полусмерти.

Ужас лишил возможности двигаться. Она лежала, как бревно, тараща глаза в потолок, пока грубые пальцы ковырялись в сорочке, стягивали трусы.

— Беленькая, сладкая... — мозолистые ладони гладили ее по животу и внутренней стороне бедра. — А грудь какая! Уже полностью сформировалась... — Он сжал оба полушария, пытаясь обхватить их руками целиком. Боль пронзила резкая, но страх оказался сильнее. Лишь во рту почувствовала привкус крови от прикушенной губы.

Липкий рот припал к соску, втягивая его в себя, покусывая. Потом перешел к другому. Это длилось бесконечно долго, пока соски не начали болеть, а ему не надоело. Тогда он силой развел ее ноги в стороны и принялся копошиться между ними пальцами. Он пытался залезть в нее сразу всей пятерней. Крик рвался изнутри, но она его заталкивала обратно, чувствуя, как сознание раздваивается. Половина ее уже была не тут, а вторая испытывала все муки ада.

— О-о-о... какая ты сочная и узенькая. Цепочка моя, — он прижался к ее промежности губами и целовался в засос, причмокивая, похрюкивая.

К тому моменту, как он одним рывком вошел в нее, разрывая внутренности, она уже совершенно отупела. Даже на боль не отреагировала. В мозгу билась единственная мысль — убить. Никогда в жизни она до такой степени не ненавидела. А теперь эта ненависть поселилась в ней намертво, занимая всю душу. Ничем уже невозможно будет ее выковырять. Она будет подпитывать ее, заставляя мстить.

Он не мог кончить, терзая ее лоно безостановочно, щипая ноги, грудь, живот, кусая в шею. Она уже практически не соображала, где находится и что чувствует. Но это было еще не самое страшное, как ей казалось сначала. Гоубо выругавшись, он вышел из нее и перевернул на живот с силой, причиняя новую боль, оставляя синяки на теле. Вжал голову в диван и заставил встать на карачки. В следующий миг он вбил в ее задний проход, и глаза заволокло чернотой. Боль пульсировала во всем теле, но она по-прежнему не произносила ни звука.

Когда, наконец, он кончил и забрызгал ее семенем, бормоча что-то насчет того, что ублюдки ему не нужны, она отключилась с четкой мыслью, что перестала быть самой собой.

Синоптики не обманули — погода и в правду установилась чудесная, почти летняя. Когда Слава подъехал к дому Шуры, уже вовсю сияло солнце. Он специально прибыл на десять минут раньше, чтобы подняться и помочь Шуре с вещами, но не успел выйти из машины, как она выскочила из подъезда с огромной спортивной сумкой на плече.

Слава ее не узнал. В дырявых джинсах, мешковатом свитере и растрепанными волосами она выглядела, как сорванец. Он же привык видеть ее всегда в строгой одежде, гладко причесанной, какой и положено быть в интеллектуальном царстве.

Она просто лучилась счастьем, энергия так и била из нее ключом. Слава невольно заразился ее настроением, когда вышел из машины и забрал у нее сумку.

— Ты сегодня такая...

— Какая? — рассмеялась она, целуя его в щеку.

— Даже не знаю... Сама на себя не похожа, — совсем растерялся он, чувствуя как горит место поцелуя. Такую вольность она вообще позволила себе впервые. Он ее и за руку-то боялся взять, все их общение сводилось к разговорам на любую, но отвлеченную тему. Порой ему ужасно хотелось прикоснуться к ней, чтобы осознать, что она живой человек, а не идеальная внешне женщина, душа которой остается для него потемками.

— Ну привыкай. На отдыхе я все время такая. Да и ты тоже сегодня выглядишь иначе.

А ведь и правда, она видит его только на работе, неизменно в костюме и при галстукке. Ни разу они не встречались в другой жизни. Наверное, поэтому его вид, в футболке и джинсах, ей тоже показался странным. Как бы там ни было, настроение Славы поступательно росло, а вместе с ним душу заполняло еще какое-то чувство, заставляющее все время смотреть на Шуру. Он даже одергивал себя, чтобы его поведение вдруг не показалось ей подозрительным.

— План таков, — повернулся он к ней, когда она удобно устроилась на пассажирском сидении и пристегнулась ремнем безопасности, — сейчас заедем в супермаркет, купим продуктов в дорогу. Ехать нам, — он посмотрел на часы, — примерно часов двенадцать. Останавливаться будем по мере надобности, но не слишком часто, ок? Хочу добраться до твоей деревни засветло.

— Согласна, — серьезно кивнула она, подражая его деловому настрою, но потом не выдержала и рассмеялась. — Ты такой серьезный, как будто лекцию читаешь. И продукты нам не нужны, я пол сумки наготовила. И огромный термос с чаем взяла. Так что сытую дорогу я тебе гарантирую. Как же я соскучилась по маме. Слав, спасибо тебе огромное, что вытаскиваешь меня из этого пыльного города!

Ему на миг показалось, что она сейчас снова бросится целовать его. Подобная перспектива даже испугала, ну как он не сдержится и позволит себе лишнее. Что-то ему подсказывало, что с ней так нельзя, как бы ему этого не хотелось. Поэтому он резко отвернулся, буркнув «Не за что».

Если Шура и удивилась нарочитой холодности своего спутника, то ломать голову над этим не стала. У всех нас полно тараканов в голове. И Слава не исключение. А у нее сегодня такое отличное настроение, что его хватит на них двоих. И ни что не в состоянии ей его испортить.

Город быстро остался позади. Слава вел машину уверенно, быстро, но не нарушая

правил. Ей вообще нравилось, как он водит. Порой сядешь в такси, например, и начинается дерготня — разгоны и резкие торможения. Такой езды Шура терпеть не могла. А в машине Славы позволяла себе даже закрывать глаза и мечтать или просто любоваться сочной зеленью за окном, говорящей о начале лета.

Всего привалов им понадобилось два, не считая того, что еще пару раз Слава останавливался на заправках. В родную деревню Шуры они прибыли даже раньше намеченного времени. Маме она не стала сообщать о своем приезде, желая сделать сюрприз. Поэтому та чуть в обморок не упала, когда увидела на пороге дочь, да еще и в сопровождении незнакомого мужчины. Еще и Слава был, как назло, чересчур серьезным. То ли от усталости, то ли волновался, как его воспримет ее мама.

— Стара я уже стала для таких сюрпризов, — без злости посетовала мама, когда испуг прошел. — Ничего не случилось? — вновь с тревогой взглянула она на дочь. — Ты же говорила, что отпуск у тебя в августе...

— Мамулечка! — обняла ее Шура. — Как же я по тебе соскучилась! — она ей потом объяснит, почему поменяла планы. Сейчас и слова-то нужные на ум не шли, до такой степени ее распирала радость от встречи с самым родным на свете человеком. — Все отлично! — только и ответила она и спохватилась: — Познакомься. Это Слава — мой друг, — сделала она ударение на последнем слове. Почему-то не хотелось, чтобы мама поняла ее превратно. И странно, что ей эта мысль именно сейчас пришла в голову.

— Просто друг? — спросила мама через время, когда они с Шурой готовили ужин, а Слава принимал душ и раскладывал вещи в отведенной ему комнате.

— Да, мам, — не отвлекаясь от нарезания картофеля, отозвалась Шура.

— Симпатичные нынче друзья пошли, — усмехнулась мама.

— Он не только симпатичный. Он еще и добрый, умный, чуткий... в общем, самый лучший, — улыбнулась Шура, вспомнив, как на привале Слава обварился чаем из термоса и, кривясь от боли, пытался шутить.

— Тогда почему же он только друг?

— Не знаю, — легкомысленно пожала плечами Шура. — Наверное, потому что именно в этом качестве он мне и нравится.

Мама ничего не ответила, но Шура слышала, как та украдкой вздохнула. Наверное, это свойственно всем матерям — мечтать о внуках, когда дети подрастают. Вот только Шура об этом пока не думала, и далеко не была уверена в том, что задумается об этом в ближайшем будущем. В ее планы это не входило.

С наступлением сумерек, Шура зажгла в гостиной, где они накрыли праздничный стол, все лампы, что только имелись. Не миновала эта участь даже настольную, что пылилась в шкафу. Шура достала и ее, поспешно стерла пыль и водрузила в центр стола. Слава заметил обеспокоенный взгляд, что кинула на нее мама. Да и сама Шура, было заметно, едва держит себя в руках. Она уже давно перестала улыбаться, не поддерживала беседу за столом. словно полностью погрузилась в себя, не обращая ни на кого внимание.

Несколько раз Слава обращался к ней с каким-нибудь вопросом, на что неизменно получал хмурый взгляд и однозначный ответ. Это начинало тяготить. Его настроение тоже катилось вниз. Да и лицо мамы Шуры принимало все более скорбное выражение.

В какой-то момент, не совсем вежливо перебивая беседующих маму со Славой, Шура сказала, что сильно устала и ушла к себе в комнату.

Слава еще какое-то время смотрел ей вслед, а потом обратился к ее маме:

— Галина Сергеевна, могу я задать вам один вопрос?

— Конечно, — встрепелась она, пытаясь изобразить на лице вежливую улыбку. Но Слава-то понимал, что совсем другие мысли ее сейчас занимают.

— Не кажется вам, что Шура ведет себя немного странно?

Женщина какое-то время молчала, разглядывая незамысловатый узор на скатерти, а потом подняла на него глаза, и Слава физически почувствовал, что она боится. Только вот чего, понять не мог.

— Кажется, — наконец, заговорила она. — Я эту странность заметила уже давно, когда она первый раз приехала сюда из города, на похороны отца. Не спрашивайте меня, Слава, что случилось. Я и сама этого не знаю... Пыталась говорить с ней, но безрезультатно. Только, она очень переменялась...

Слава подумал, что другой он ее и не знал. То она светится так ярко, что даже больно становится. Когда Шура в таком настроении идет по улице, то на нее заглядываются все прохожие. Невольно он наблюдал, как на лицах людей непроизвольно появляются улыбки, до такой степени ее настроение заразительно. Но порой... порой она становится невыносима. Груба, заносчива, нетерпима — это еще мягко сказано. Иногда Славе даже кажется, что продолжи он с ней выяснять отношения, так дело может дойти и до рукопашной. В такие моменты он предпочитает отступить первым, догадываясь, что может потерять с ней ту видимость дружеских отношений, что между ними установилась. И еще в такие моменты он ее практически ненавидит, за то, что своим настроением она отравляет жизнь ему. Потом он долго пытается прийти в себя и обрести утраченное равновесие. Временами он даже думает, зачем так настойчиво поддерживает с ней дружеские отношения? Но стоит ему увидеть ее в радужном настроении, как все негативные мысли моментально выветриваются из головы.

— А знаете, Слава, — прервала Галина Сергеевна его размышления, — Шура в детстве была такая... Я даже боялась, что ее могут сглазить, — невесело усмехнулась она. — Каждый, кто смотрел на нее, нахваливал. Да мы и сами с отцом не могли на нее наглядеться. Она как лучик света была для нас. А когда отец ее начал пить, так только в ней я и находила утешение. Она всегда могла подобрать нужные слова, успокоить... Я и тогда боялась, что сглазят ее, — тихо рассмеялась она. — Уж больно покоя она всем не давала, кому только не лень про нее говорили. Лишь бы языками почесать. А потом что-то случилось. Уехала она от нас нормальной, а в следующий раз я ее уже увидела такой вот.

Галина Сергеевна принялась убирать со стола. Слава помогал ей и наблюдал тайком. Он видел, как сильно она расстроена, хоть и пытается не подавать виду. Но что он мог сказать, если и сам не испытывал от всего радости.

— Постель я тебе приготовила, — повернулась она к нему. — Надеюсь, тебе у нас будет удобно.

— Я неприхотливый, — ободряюще улыбнулся ей Слава. — Галина Сергеевна! — окликнул он ее, когда она уже почти вышла за дверь. Желание сказать ей хоть что-то приятно не покидало. — А знаете, как у нас называют Шуру? Солнечным зайчиком.

— И это ей подходит, — задумчиво произнесла она. — Только и он может угодить в ловушку.

Шура проснулась с первыми петухами. Тут инстинкты жили сами по себе, отдельно от нее. В городе по выходным она обычно спала до обеда, а потом еще долго бродила по дому сомнамбулой.

Кровать ее стояла рядом с окном, и какое-то время она любовалась чистым предрассветным небом. Но стоило горизонту лишь посветлеть, как Шуру сдуло с постели. Набросив халат, она выскочила во двор и пошла кормить курей.

В огороде царил весенний порядок, так свойственный посадочной поре. Шура залюбовалась ровными грядками, клумбами с первыми цветами. Нарциссы с тюльпанами словно соревновались, кто кого краше, гарцуя друг перед другом на упругих стеблях. Яблони и вишни стояли усыпанные цветами и источали тонкий аромат. И птицы заливались так счастливо, что невольно заражали своим настроением.

— И не спишься тебе в такую рань, — присоединилась к ней мама в курятнике. — Чего подскочила?

— Не могу я такую прелесть пропустить, — указала Шура на медленно всплывающий диск солнца. — В городе такого не увидишь.

— Эка невидаль, — проворчала Галина Сергеевна. — С утра уже жарить начинает, до полудня еще в дом гонит — на огороде становится невыносимо...

— Мам, а как там твои соседи? Что-то их не видно... Да и ты же вроде им часть огорода выделила, а в этом году сама засадила весь. И сарай вон опять пустует.

— Дык, уехали они. Посреди зимы сорвались и подались в теплые края, к морю. Дочурка у них заболела, и врачи посоветовали сменить климат. А половину дома своего продали. Ну зато я опять смогу развести кроликов, — кивнула мать на сарай.

— Жалко, конечно. А кто там сейчас живет?

— Знаешь, доча, — мать понизила голос и придвинулась к ней вплотную. — Какой-то странный тип там поселился. Из дома почти не выходит, все долбит, колотит что-то. Словно дворец решил сделать из своей половины. Люди поговаривают, что богачей он какой-то, но в жизни разочаровавшийся. Вот и подался сюда — раны залечивать. В городе вроде у него есть жена и дети, а он тут. В общем, не понимаю я таких. Да бог с ним, тихий, да и ладно. Пойдем-ка лучше кофейку выпьем, да на завтрак что-нибудь придумаем. А то, гостя-то кормить нужно.

Слава появился в кухне, когда на столе уже красовалась целая гора блинов. Таким его Шура еще точно не видела ни разу. С обнаженным торсом, очень даже мускулистым, рельефным, как отметила она, взлохмаченным сильнее обычного и потирающий спросонья глаза.

— Идешь на запах? — рассмеялась она.

— И не могу отделаться от воспоминаний о детстве, — ласково так, даже нежно, улыбнулся он.

Шура поняла, что улыбка его предназначена не ей, а приятным воспоминаниям. Даже испытала легкую обиду, до такой степени ей нравилось сейчас выражение его лица. Так бы и любовалась. Даже захотелось подойти к нему, погладить по щеке, а потом зарыться в волосы... Шура оборвала себя — что это с ней такое сегодня?! Какая-то сверхсентиментальность. Видать, она гораздо сильнее соскучилась по дому, чем думала раньше.

После завтрака Шура все порывалась помочь маме на огороде. Но та осталась непреклонна и отправила их развлекаться:

— Покажи гостю наши места. Вот еще удумала — гнуть спину на жаре. Да и дел-то больно нет, я уж все переделала.

Шура старалась не показать, до какой степени она обрадовалась, что в ее помощи не нуждаются. Не мешали даже легкие угрызения совести, так ей хотелось выбраться на

природу.

Она предложила Славе прогуляться пешком, но он настоял отправиться на машине.

— Так больше сможем увидеть, — резонно рассуждал он, с чем Шура не могла не согласиться.

Первым делом они отправились в яблочные сады — гордость председателя колхоза, да и всех жителей деревни. Огромная плантация земли была засажена ровными рядами деревьев, что сейчас находились на самом пике цветения. Белоснежный рай. Эти сады считались у них чуть ли не заповедной зоной. Здесь всем разрешалось гулять, но никому не позволялось трогать деревья руками. Да и не хотелось нарушать такую красоту и гармонию, поэтому Шура со Славой медленно прогуливались между деревьями, вдыхая их аромат и лениво переговариваясь.

— В школе нас каждый год отправляли на сбор урожая, — рассказывала Шура. — И мне всегда было жалко срывать яблоки.

— Почему? — машинально спросил Слава и нерешительно переплел свои пальцы с ее. Он был почти уверен, что она сразу же отдернет руку, стоит ему коснуться ее, но этого не последовало. Шура доверчиво вложила свою руку в его ладонь. И это было так приятно!

— Потому что им место на ветке, а не сорванным в корзине. Только так они смотрятся идеально — золотистые, с розовыми боками.

— Я думаю, ты не права... Мне кажется, они хотят, чтобы их срывали и поедали.

— Скажешь тоже, хотят, — рассмеялась она, закидывая голову и глядя на безоблачное небо. — Еще скажи, мечтают.

Слава залюбовался ею в эту минуту. Ему было совершенно все равно, что она там говорит. Больше всего хотелось обнять ее и прижаться к этим смеющимся губам. Даже в джинсах стало тесно, до такой степени сильный порыв возбуждения он испытал. И раньше такого с ним не случалось. Чтобы хоть как-то отвлечься, он спросил:

— Куда поедем дальше? Что еще ты мне планировала показать?

При этом он не выпускал ее руки, лишь перехватил ее поудобнее и слегка поглаживал большим пальцем ее бархатистую кожу. Шура и это позволила ему сделать, что можно было отнести к личным достижениям. Он вообще поражался ей сегодня. За три года знакомства они еще ни разу не были настолько близки.

— Дальше по плану пасека. У нас она просто огромная. И медом своим мы тоже славимся на весь округ. Или ты туда не хочешь? — обеспокоенно взглянула она на него.

— Мечтаю, — соврал Слава, думая лишь о том, что готов вечно ехать куда-нибудь или идти, как тот Агасфер, лишь бы быть с нею рядом. Подобное чувство пугало, но делать ничего не хотелось.

После пасеки, где они провели не меньше часа, пока Шура ему все показывала и рассказывала, а главный пасечник настоял, чтобы они попробовали все сорта меда, они отправились на речку. Там же решили перекусить, время близилось к обеду. Галина Сергеевна собрала им целую корзину с провизией, не принимая возражений.

Солнце припекало по-летнему, даже марило. Камни на берегу раскалились и прожигали даже через шерстяной плед.

— Не хочешь позагорать? — искоса взглянул Слава на Шуру. Она сидела, поджав под себя ноги и уперев подбородок в колени. На голове ее красовалась шляпа с широкими полями, скрывая ее почти всю в тени.

— Да, нет пока... — неуверенно отозвалась она, еще крепче прижимая к себе ноги и

натягивая на колени подол платья.

— А я, пожалуй, проверю, какая вода. А то уже потихоньку начинаю плавиться.

С этими словами Слава стянул футболку, а потом и джинсы, оставшись в одних плавках. Неизвестно отчего, щеки Шуры вспыхнули румянцем, и она поспешно отвела взгляд от его обнаженного тренированного тела. Хорошо, он в этот момент на нее не смотрел.

Он спустился к воде и потрогал ее ногой. А потом повернулся к Шуре с широкой улыбкой на губах.

— Уже теплая. Пойдем? — махнул он ей рукой.

Она лишь покачала головой, хоть ей уже и становилось нестерпимо жарко. На что Слава пожал плечами и отвернулся. Дальше он нырнул с разбегу, как делает большинство мужчин, и на какое-то время его голова скрылась под водой. Вынырнул он уже на приличном расстоянии от берега и профессионально поплыл дальше. На нее он больше не смотрел и не приглашал присоединиться к нему.

Шура наблюдала, как он ныряет и отфыркивается от воды и понимала, что начинает завидовать. Все тело уже покрылось потом, который нестерпимо хотелось смыть. В конце концов, ее поведение не отличается умом. Чего она стесняется? Или кого? Славика, которого знает сто лет? Да и он, наверное, видел девушек покрасивее, чтобы польститься на ее прелести.

Больше не сопротивляясь и не раздумывая, Шура сняла платье, отбросила в сторону шляпу и в припрыжку побежала по обжигающим камням к воде. Ну, на счет теплая, это он явно преувеличил. Вода обожгла разгоряченные ступни, но уже через минуту принялась их ласково обволакивать, даря приятную прохладу. Все равно уже почти по-летнему нормальная.

Шура все топталась на берегу, не решаясь зайти глубже. Слава по-прежнему плескался на глубине, не обращая на нее внимания. Это уже становилось обидным, как будто он не верил, что она тоже рискнет на заплыв, и решил не тратить на нее свое время и силы.

Мелкими шажками она начала заходить в воду. По колено, обжигающая влага коснулась края бикини... Наконец-то, и Слава обратил на нее внимание и даже поплыл к берегу. Только вот последнему именно сейчас Шура была не рада. А ну как захочет схватить ее и затащить на глубину? Она же тогда умрет от разрыва сердца на почве переохлаждения. Чтобы обезопасить себя, она закричала ему:

— Только не подплывай ко мне! Я сама... — вода уже всю ласкала живот, приближаясь к груди.

Шура почувствовала, как сжались соски от холода и с ужасом обнаружила, как замечательно они просматриваются двумя упругими горошинами через тонкую ткань купальника. Этого она уже стерпеть не могла, к тому же проследив за взглядом Славы, который тоже был прикован к ее груди. Не раздумывая, присела и по шею оказалась в воде. Правда, грудь ее от этого менее откровенно выглядит не стала. Следовало что-то предпринять, и она поплыла, стараясь не приближаться к Славе.

Она все углублялась, пока не почувствовала, как согревается. Мышцы ломило от усталости и непривычки. Да и плавала она последний раз сравнительно давно. Это в детстве они, как рыбы, все лето не вылезали из воды. Река местная считалась спокойной и безопасной. Ни течения, ни водоворотов тут не было. Так что родители отпускали детвору без проблем, да и плавать они все умели отлично.

— Устала? — услышала она голос друга совсем рядом, когда остановилась и зависла

примерно на середине реки, работая руками и ногами.

Шура обернулась и увидела Славу совсем рядом, на расстоянии вытянутой руки. Неожиданно ногу прострелила резкая боль. Мышца не выдержала нагрузки, и ее свело судорогой. Шура вскрикнула и сильнее заработала руками.

— Что случилось? Судорога? — сразу же догадался Слава, подплывая к ней и обхватывая за талию. — Держись за меня и поплыли к берегу.

Она вцепилась в его плечо, страдая от боли, каждый раз, когда шевелила ногой. Давно у нее не случалось судорог. Да и таких сильных не было ни разу. Она пыталась вертеть ступней, расслабляя мышцы, но боль становилась только сильнее.

Слава плыл, как ненормальный, и очень скоро они оказались у берега. Если Шура и хотела сопротивляться, то слушать ее никто не стал. Слава молча подхватил ее на руки и вытащил из воды. Опустив на плед, принялся растирать ее ногу, пока мышца не расслабилась и не стала выглядеть нормально. Судорога ушла, а вместе с нею и боль. Только вот руки Славы продолжали гладить икру Шуры, поднимаясь все выше. Движения перестали быть терапевтическими, а превратились в ласкательные. Руки его были горячими, почти огненными, и обжигали те места, к которым прикасались.

Она попыталась забрать у него свою ногу и отползти подальше. Но ей и этого не позволили сделать — Слава обхватил ее за бедра и одним резким движением притянул к себе. Его лицо находилось так близко, но ничего не происходило. Он словно спрашивал разрешения, а в душе Шуры чувства метались, как оголтелые, сталкиваясь и отскакивая друг от друга. Сердце пульсировало где-то в ушах, и все тело уже заливал нестерпимый жар.

Лишь прочитав в ее глазах немое согласие, Слава припал к ее губам, чувствуя, что уже не в силах бороться с желанием, больше похожим на наваждение. Он исследовал ее рот языком, упиваясь его сладостью, боясь спугнуть ее напором собственной страсти. Когда он увидел ее в купальнике, у него словно снесло голову. Все мысли превратились в одну единственную, что ничего прекраснее он в жизни не видел. Это стройное тело, почти не скрытое малюсенькими лоскутами бикини, ее робкие попытки войти в воду... Каких усилий ему стоило делать вид, что ничего не происходит. Он заставлял себя не пялиться на нее, а увлеченно нырять. Лишь один раз выдержка подвела его, когда он разглядел ее грудь под купальником. Тогда он думал, что не вытерпит, рванет к ней и сорвет этот мешающийся кусок ткани.

А когда ей стало плохо на глубине, то в какой-то момент Слава представил, что его нет рядом, нет никого, кто мог бы помочь ей. Вот тогда ему стало совсем плохо, даже жить не хотелось.

Шура пыталась разобраться в собственных чувствах. Губы Славы дарили ни с чем несравнимое блаженство. Не хотелось не то чтобы препятствовать ему, а душа и тело изнывали от желания большего. Она не сопротивлялась, когда он опустил ее на покрывало и принялся целовать шею, спускаясь все ниже. Его руки двинулись от талии вверх, прожигая дорожку к груди. Когда его горячие ладони проникли под мокрый купальник и накрыли грудь, Шура испытала такой фейерверк эмоций, что даже голова закружилась. Но его губы, что накрыли в этот момент ее, не разрешили поддаться слабости, вновь заставляя сосредоточиться на новых и болезненно приятных ощущениях.

Он тормозил себя, заставлял не торопиться, каждую секунду боясь спугнуть ее. Но руки жили сами по себе — им не терпелось исследовать ее всю. Плавки готовы были лопнуть на нем, так пульсировала возбужденная до предела плоть, когда он прикоснулся к ее груди,

ощущая, как сжимаются ее соски под его пальцами. Он хотел сразу всего — и целовать ее, и пожирать глазами, лаская руками. Разрывался от собственных желаний, чувствуя себя дикарем.

Он не испытывал дефицита в женщинах, всегда пользовался их вниманием, и мог выбирать. Но никого раньше он не желал до такой степени. Она всегда казалась ему совершенством, и сейчас он получал тому подтверждение.

Его губы снова оторвались от ее, но лишь для того, чтобы накрыть сосок. Что они с ним вытворяли! Посасывали, легонько прикусывали, нежно обводили языком отчего от еще больше затвердевал и топорщился, словно заявляя, что хочет еще, прося не останавливаться. Возбуждение внутри нее росло, приближаясь к пику, заставляя выгибать спину, стремиться навстречу его настойчивым губам.

Его рука гладила ее живот, спускаясь ниже, приныкая под плавки. Когда он коснулся ее лобка, она не выдержала и застонала. Ноги сами разметались в стороны, открывая доступ к тому, что уже нестерпимо желало прикосновений. Она чувствовала, как ей в бок упирается его упругое естество. Боялась и страстно желала ощутить его в себе.

Откуда взялась туча, никто из них и не понял. Внезапно поднялся сильный ветер, и небо заволочло чернотой. Тут же принялись падать крупные капли, а потом и вовсе полило, как из ведра.

Шура рванула из-под Славы, как ошпаренная. Она металась по берегу, хватая вещи, роняя их и рыдая в голос.

— Иди в машину! — рявкнул он, крепко сжимая ее и отталкивая от себя. — Я сам все соберу.

Через минуту он присоединился к ней, скинув вещи на заднее сидение. Он накрыл ее сжавшуюся на сидении и не прекращающую рыдать пледом. Какое-то время он молчал, сосредоточившись на одевании, а потом позвал ее. Но ответом ему послужили лишь судорожные всхлипы.

— Шура! — громче повторил он и тронул ее за плечо.

Она дернулась, как от удара электрическим током, и еще сильнее вжалась в спинку сидения, отодвигаясь от него как можно дальше.

— Да что с тобой?! — не выдержал Слава, схватил ее за плечи и развернул к себе. Он даже не обратил внимание на сползший с ее плеч плед, обнажающий ее тело, которое несколько минут назад казалось таким желанным. — Что происходит?! — прокричал он в ее заплаканное лицо.

— Отпусти меня! — принялась вырваться она, но он держал крепко, не давая ей отвернуться.

— Отпущу, когда скажешь мне, почему так себя ведешь? Ведь все было так хорошо. Что случилось, почему ты так переменилась? Это же всего лишь дождь, — уже намного тише добавил он, выпуская ее плечи и с опозданием догадываясь, что наставил ей синяков.

Он думал, что она, как и всегда до этого, моментально замкнется в себе и промолчит. Но Шура продолжала смотреть на него глазами, полными тоски. Она даже не пыталась прикрыть наготу, которую он снова стал подмечать. Он хотел докопаться до причины, но не был готов к той боли, что плескалась сейчас в ее глазах.

— Для меня это не просто дождь, — так тихо, что он едва расслышал за шумом мотора, произнесла она. — Для меня это вся жизнь. Я не могу тебе этого объяснить, для этого ты должен прожить ее.

Сказав это, она отвернулась и снова укуталась в плед.

— Отвези меня, пожалуйста, домой, — через несколько минут попросила она, и голос ее прозвучал пугающе равнодушно.

Сегодня Шер снова отступала от правил. Не так часто она это делала, но сегодняшний случай был особенным. Она нашла его и будет мстить. Он не должен узнать ее, но почувствует себя уничтоженным. Она благодарила судьбу, что та оказалась к ней так благосклонна и указала правильный путь. И самое интересное, что он даже не предполагает, что его ожидает сегодня ночью.

Тхеви — вот ее имя на сегодня. Оно означает богиня в переводе с тайского. Именно такой она и будет себя чувствовать, вытирая ноги о подданного, топча его гордость, заставляя захлебнуться собственной желчью.

О внешности тоже стоит позаботиться — сделать себя настоящей таитянкой, барной тайской девочкой, против которой он не сможет устоять. На этот раз она решила обойтись без парика. Вытянула волосы утюгом и уложила их вдоль лица. Глаза обвела жирными стрелками, придавая им удлиненную форму, как у жительниц Таиланда. Губы обрисовала четким ярким контуром, увеличивая в объеме, и покрыла красной помадой. Осталось чуть синих теней — на веки и румян — на щеки. Вот теперь она выглядит, как типичная представительница женщин востока.

С нарядом Шер особо мудрить не стала. Ограничилась приталенной белой блузкой и коротенькой, едва прикрывающей ягодицы, черной юбочкой на бердах. На ноги натянула черные гольфы в сеточку и белые кроссовки. Последний штрих — расстегнуть на блузке три пуговицы сверху, так чтобы открывалась взору ложбинка между грудей и застежка бюстгальтера.

Оглядев себя напоследок в зеркало, Шер поняла, что нравится себе в новом образе. Стоит подумать не сменить ли ей и в дальнейшем амплу женщины вамп, затянутой в кожу, на невесомость таитянки. Но об этом она поразмышляет потом. Впереди ее ждет ответственное дело, к которому она планирует подойти со всей изворотливостью своих ума и тела.

Он открыл дверь, и Шер с удовлетворением подметила, что спать он еще не ложился. На носу его красовались очки в дорогой оправе, а в руке он держал книгу. Что же мы читаем? Литературные предпочтения порой лучше всего характеризуют человека. А уж врага тем более нужно изучить хорошо. Ага, «Крестный отец» Пьюзо... Вот, значит, на кого мы пытаемся ровняться — на великого мафиози? Ну что ж, дорогой, ты получишь сегодня прямо противоположный результат, будешь считать себя попом расстригой и самым неудачливым человеком на земле.

— Что вам угодно?

Он даже отступил вглубь коридора от неожиданности, и очки его плавно съехали вниз. В глазах, что рассматривали ее поверх очков, Шер прочитала недоумение с мощной примесью восхищения. А это значило, что первый раунд она выиграла — сумела поразить его в самое сердце.

— Не пустите переночевать? У меня сломалась машина и на улице оставаться страшно и зябко, — повела она плечами, отчего блузка распахнулась еще сильнее, а грудь призывно заколыхалась. Краем глаза заметила, как он судорожно сглотнул. И добила его фразой: — В долгу не останусь, — проведя языком по губам.

Она знала таких, как он — страдающих сексуальной неудовлетворенностью, в голове

которых мысль о нормальном половом акте превращается в ночной кошмар, навязчивую идею. Ни о чем другом они думать не могут, стора от собственного комплекса неполноценности. Ему уже кажется, что чувствует прилив в паху, тогда как на самом деле его пенис остается таким же вялым, как и всегда. Но самовнушение у него работает отлично, и думает он уже не головой.

— Да-да, конечно, — по-стариковски засуетился он, хоть лет-то ему не больше сорока пяти. — Проходите, сейчас я согрею чаю...

— Чай подождет, — приблизилась Шер к нему, заглядывая в глаза. — Сначала согрей меня.

И тут его крышу сносит окончательно. Он решил, что разжег в ней желание одним своим видом. Закомплексованным людям так нравится тешить свое эго, даже путем диких фантазий.

Она склоняется к его уху и обводит языком внутреннюю часть раковины, стараясь не дышать при этом. Кто, как ни она, знает, как способен воспламенить язык, и насколько порой бывает раздражительным дыхание.

Он задрожал всем телом, и это отличный знак. Его инстинкты не дремлют, в отличие от полового органа. И в том, что внизу у него все вялое, она убеждается, крепко прижимаясь к его паху бедрами.

Шер претит одна мысль о поцелуе с ним, но она должна на это решиться, для закрепления успеха, окончательного его порабощения. Она предельно расслабила губы, разомкнула зубы и приникла к его рту. Язык скользнул в распахнувшийся от удивления рот, мягко обвел его зубы и вынырнул, заставляя его нервничать. Она, не останавливаясь, легко коснулась губами его глаз, носа, подбородка, лба и снова вернулась к губам, чтобы запечатлеть на них уже более глубокий поцелуй, втягивая его язык, удерживая его в своем рту.

Она не стала затягивать поцелуй, боясь, что не выдержит подобного испытания и все испортит. Вместо этого прошлась языком по его щеке, вниз к шее, коснулась груди в вырезе халата и так же вернулась обратно.

Вот теперь он целиком и полностью находится в ее власти — это Шер прочитала в его глазах. Можно ненадолго его покинуть, ровно настолько, чтобы заставить желать себя еще сильнее. Несчастный, он даже не догадывается, что ему предстоит пережить.

Она направилась в комнату, ни на секунду не сомневаясь, что он последует за ней. Делая вид, что с интересом рассматривает внутреннее убранство, Шер вычислила наилучшее место для соблазнения — так своевременно разложенный кожаный диван с зажженным рядом торшером. Видимо, именно тут он и читал, пока не заявила она.

Не поворачиваясь к нему, а лишь бросив мимолетный взгляд из-за плеча и убедившись, что он стоит в дверном проеме и пожирает ее глазами, Шер расставила пошире ноги и принялась расстегивать блузку, плавно вращая бедрами в такт одной ей слышимой музыке. Она полностью перевоплотилась в соблазнительницу. Ей начинала нравиться эта игра.

Блузка полетела в сторону, открывая его взору кружевной бюстгальтер. Разомкнув крючки на юбке, Шер повернулась к нему лицом и медленно наклонилась, заставив колыхнуться грудь, чтобы снять кроссовки. Когда на ней не осталось ничего, кроме узеньких трусиков и бюстгальтера, она опустилась на край дивана и взялась за застежку верхней части комплекта. Замерла на мгновение, внимательно глядя на него и проверяя реакцию. Зрачки его расширились до такой степени, что заняли почти всю радужную оболочку глаза. Он не

сводил с нее лихорадочного взгляда, ловя каждое движение. Лишь после этого она разрешила себе расстегнуть бюстгальтер и откинуть его в сторону, подставляя грудь под его воспаленный взгляд.

Он выглядел сейчас коршуном, готовым броситься на свою добычу. Но Шер-то знала, что все это напускное, выработанное годами претворяться. Она была уверена, что внизу у него все по-прежнему спит. Пока спит... в этом она тоже не сомневалась.

Поелозив попкой по дивану, она уселась глубже, приподняла бедра и быстренько стянула трусики, оставляя ноги плотно сжатыми, не разрешая жадному взгляду проникнуть в нее до поры до времени. Плавно опустила на спину и, согнув ноги в коленях, поставила их перед собой. Эта пытка длилась бесконечные секунды. Она знала точно, что он сейчас стоит, как загипнотизированный, и ждет, когда же она покажется ему. Просчитав в уме до пятнадцати, она оперлась на плечи и локти и широко раздвинула ноги. Теперь он мог видеть ее всю, впитать всю степень ее возбуждения, разглядывая сочащуюся плоть. Собственная игра возбуждала Шер невероятно. Она уже и сама хотела выплеснуть на кого-то всепоглощающую страсть.

Не в силах больше терпеть, зная, что он сейчас находится на грани потери сознания, исходит слюной и злобой, Шер приподняла бедра в нескольких сантиметрах над диваном и принялась двигать ими, мысленно выписывая знак бесконечности. Именно это ей сейчас пришло на ум. Бесконечность... как отражение его вечной тоски. Она точно знала, что именно сейчас сильнее всего сводит его с ума, что картина эта будет преследовать его всю оставшуюся жизнь. Но и о себе следовало подумать и дать выплеснуться страсти. Пальцы Шер вступили в эротический танец с бедрами, пока она не достигла пика и не получила разрядку, выгнув напоследок спину и издав протяжный стон.

Он все еще стоял в нескольких шагах от дивана, когда она села и пригладила волосы. Последствия бурного оргазма все еще бушевали в ней, заставляя содрогаться всем телом.

— Хочешь почуять запах моей страсти? — низким с хрипотцой голосом произнесла она. — Иди сюда, — поманила она его пальцем, вновь раскидывая ноги и сдвигаясь на самый краешек дивана.

Уговаривать его не пришлось — он тут же оказался между ее ног и на коленях, припадая к щели губами, втягивая ее запах. Возбуждение в Шер все еще находилось на пике и вскоре она испытала еще один оргазм, не менее сильный, до которого довел ее он.

Настала ее очередь действовать. Она быстро освободила его от халата и семейных трусов, решив не тратить время на бесполезную прелюдию, и толкнула на диван животом вниз. Закинула туда же его ноги и уселась сверху, прямо на его голые ягодицы. С этой частью тела она решила не церемониться и какое-то время просто скакала на нем, как на диком жеребце, заставляя дергаться всем телом. А потом и вовсе принялась покусывать ягодицы, стараясь делать это больно, но на грани... В этот момент она очень надеялась, что у него уже происходит эрекция, что его случай не безнадежен, иначе все будет напрасно.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Потом она прошлась языком по его позвоночнику снизу-вверх, задержавшись на шее, осыпая ее легкими касаниями губ. И лишь потом разрешила перевернуться ему на спину, с удовлетворением подметив, что малец немного подрос, но все еще оставался вялым и бесхарактерным.

Наступила очередь психологической атаки — внушению, что он самый прекрасный и желанный мужчина на свете. Она шептала ему на ухо ласковые слова, рассказывая о том, что

станет делать дальше. Рука ее безостановочно гладила его живот, задерживаясь в районе пупка, не позволяя себе идти дальше. Все это время Шер наблюдала за его органом, отмечая слабые подергивания и попытки встать. Ну что ж, дружок, в этом она тебе поможет.

Ее рука обхватила его достоинство одновременно с тем, как губы накрыли сосок. И она не ошиблась — его грудь оказалась еще более чувствительной к возбуждению, нежели у женщин. В доказательство этому комнату прорезал громкий стон, и стержень заметно затвердел в ее руке.

Когда эротическая игра языка с сосками заставила его стонать почти безостановочно, Шер переключилась на пупок. Она принялась ласкать его, имитируя половой акт, погружая в него кончик языка. Улыбнулась почти ласково, ощутив в руке подтверждение увеличения эрекции. На кульминацию у нее было припасено нечто совершенно особенное, как раз для таких тяжелых случаев.

Легко соскочив с дивана, Шер достала из потайного кармана юбки маленькую баночку. Стоило ей только открыть ее, как по комнате разнесся терпкий аромат жасмина. Этот крем она выписывала из Таиланда, и он всегда оказывал нужный эффект. Она обмакнула в баночку палец и смазала кремом дорожку от уздечки к простате, легко дуя на самый кончик его пока еще вяловатого достоинства. Все это время он громко стонал, чуть ли не плакал. О том, как он сейчас низок, Шер старалась не думать, чтобы не утратить концентрации внимания.

Она ласкала его член по проложенной дорожке от головки вниз, ниже мошонки и еще ниже, заканчивая путь в его анусе. Точно также она возвращалась вверх, чтобы снова заскользить вниз. Он уже с трудом дышал, воздух со свистом вырывался у него из груди. И его орудие, наконец-то, было готово к бою.

Шер вновь оседлала его и прикоснулась своей щелью к его рвущемуся вверх стволу.

— Закрой глаза, — велела она ничего не соображающему от страсти самцу. — Жди меня, я сейчас... — легко соскочила с дивана, схватила с пола свою одежду и выпорхнула из дома, только ее и видели.

Вот теперь он точно не забудет ее никогда. Она отомстила за себя, заставив испытать его такие страсть и желание, которые он не чувствовал никогда и подобного опыта у него точно больше не будет.

Сработала городская привычка, и Шура проснулась поздно и с головной болью. Она и выходные-то не любила за это дурацкое состояние, а уж тут, на природе, и подавно не ожидала такого от себя.

Мама копошилась на огороде, когда Шура, зевая и пошатываясь, вышла из дома.

— Явление... — засмеялась Галина Сергеевна. — Я уж думала придется будить тебя. И чего это ты сегодня разоспалась?

— Бессонница замучила, уснула под утро, — скривилась Шура от спазма в голове. — Тебе помочь?..

— Да уж куда там. Это тебе помощь требуется, горемыка ты моя, — невесело усмехнулась мама, смывая землю с рук в тазике с водой и вытирая их о полотенце.

— Пойдем, кормить тебя буду, да от головы таблетку дам. Все равно уже жара нестерпимая, тяжело спину гнуть на таком зное.

Завтрак Шуры дождался на столе, накрытый тарелкой и полотенцем. Пока мама хлопотала возле плиты, разогревая котлеты с макаронами, Шура приняла болеутоляющее и сидела, не двигаясь на стуле, пока боль не начала притупляться.

— Что, так крепко спала, что даже сирены скорой помощи не слышала? — донесся до нее голос матери.

— А что случилось? — спросила она, стараясь, чтобы голос звучал заинтересованно. На самом деле, разорвись рядом бомба, она и этого не заметила бы.

— Да соседа нашего, Анатолия Карловича, с сердечным приступом увезли. Вроде не старый еще, а уже такой больной, — сокрушалась мама, а Шура тихо радовалась прояснению в голове. Может это и ужасно, но какой-то там сосед в данную минуту волновал ее меньше всего.

— А где Слава? — спохватилась она, когда мама поставила перед ней дымящуюся тарелку. От аромата съестного мгновенно вспыхнул аппетит.

— Вспомнила? — съехидничала мама. — А я жду, когда же ты про него спросишь.

Неужели уехал? Наверное, вчерашний ее концерт переполнил чашу его терпения, и он послал ее лесом. Ну что ж, так тому и быть. Как ни крути, а им обоим от этого одна выгода.

— Так где он? — решила для верности уточнить Шура.

— Да ушел куда-то с утра пораньше. Сказал, что вернется к обеду, — равнодушно произнесла мама, задумчиво глядя на яблоню за окном.

Значит, не уехал, характер проявляет. Ну пожалуй, это можно отнести к его плюсам.

— Шурочка, можно я спрошу тебя, суну нос не в свое дело?

Бедная, деликатная мама. Все время, сколько себя помнила Шура, мама старалась вести себя по справедливости. Даже про пьяницу-отца она никогда не говорила плохо. А уж если дочери делала замечание, то подходила к этому со всей природной деликатностью. И сейчас Шура видела, как сильно ее тревожит какая-то мысль, догадывалась о причине ее переживаний, не хотела говорить на эту тему, но и отказать маме не могла. Ведь раз она спрашивает, значит, терпеть и молчать уже не может.

— Что происходит между тобой и Славой? Почему вчера вы ушли из дома в отличном настроении, а вернулись, словно стали врагами? Он тебе хоть чуть-чуть нравится?

Мама с тревогой смотрела на нее, а Шура задумалась. Нравится ли ей Слава? Да

определенно он самый лучший из ее знакомых мужчин. Добрый, отзывчивый, умный... Словом, отличный друг. Но друзья не обнимают и не целуют так, как он делал это вчера. И она ему позволяла. Больше того, ей это было приятно. Настолько приятно, что она хотела продолжения. Так как же она к нему относится?

— Да, мам, он мне нравится.

— Тогда почему же ты его отталкиваешь? — всплеснула руками мама. Сейчас она даже скрывать не хотела возмущения.

— Я не отталкиваю...

— Вы знакомы уже три года, сама говоришь, а что было между вами за это время?

Такого откровенного вопроса она не ожидала ни от кого, не говоря уж о маме. Видно, волнение той достигло определенного пика, когда деликатность отступает в сторону.

— Мам, мы друзья.

— Он смотрит на тебя не как друг, я же вижу. Думаю, он любит тебя и уже давно.

— И что?.. Одной любви мало, — себе под нос пробормотала Шура, но мама услышала.

— А что же еще тебе нужно?

— Чтобы он принимал меня такой, как я есть.

— А какая ты есть, доча? — чуть не плача, взмолилась мама.

— Я и сама не знаю...

Больше она не стала развивать эту тему, поняв всю бесполезность предпринятой затеи. Да и вскоре сам объект их разговора нарисовался в дверном проеме, принося с собой запах лета.

— Всем привет! — бодро проговорил он и быстро поцеловал Шуру в щеку.

Это явилось неожиданностью. Не ожидала она от него подобной вольности. Почему-то мелькнула противенькая мысль, что так он заявляет свои права на нее.

— Ты готова? — присел он перед ней на корточки, заглядывая в лицо.

— К чему?

— Галина Сергеевна, вы ей не сказали?

— Да... я забыла, — покраснела та от досады. — Закрутилась совсем... Да и она только встала.

Мама поспешила с кухни, видимо, чтобы не мешать им.

— Так к чему я должна быть готова?

Интрига породила интерес, а вместе с ним настроение Шуры моментально взлетело вверх. В конце концов, нельзя же киснуть в такой прекрасный день!

— Сегодня я организовываю наш отпускной досуг, — вернул улыбку ей Слава, встал с корточек и счастливо потянулся.

— Ив чем он будет заключаться?

— Увидишь, — таинственно отозвался он.

Шура ждала Славу в машине и гадала, куда же он намерен ее возить сегодня. Вид у него был самый что ни на есть загадочный. Вот и сейчас он практически выгнал ее из дома, сказав, что ему нужно переговорить с ее мамой.

— Ты как? — спросил он, забираясь в машину.

— Отлично! — улыбнулась Шура.

— Тогда едем.

— Скажи хоть, куда едем? — рассмеялась она, подставляя лицо заглядывающему в окно солнцу.

— Всему свое время, — опять уклонился он от ответа.

— Ладно, тогда скажи долго ли мы будем ехать туда, не знаю куда?

— Не очень.

Слава не обманул — дорога заняла не больше часа. И место, куда он ее привез, было хорошо знакомо Шура. Это ранчо в соседней деревне. Тут разводили коз и лошадей. Хозяева ранчо зарабатывали тем, что круглый год принимали у себя гостей, предлагая им конные прогулки, великолепные пейзажи, козье молоко и удобные гостевые домики. В детстве Шура несколько раз бывала здесь с классом. С тех пор тут мало что изменилось, разве что добавилось искусственных прудов с выгнутыми мостиками через них, выполненных под старину. Да деревья разрослись, бросая больше тени и создавая романтическую атмосферу.

— Умеешь кататься на лошадях? — спросил Слава, выгружая вещи из машины.

— Не то чтобы умею... Ездила верхом несколько раз. Только давно это было, в детстве.

— Ну значит, у тебя появилась возможность вспомнить детство, — взял он ее за руку и повел в сторону домиков. — И чтобы никаких возражений. Я, конечно, тоже не самый искусный наездник, но тебе упасть с лошади точно не дам.

— А куда ты меня ведешь?

— Сейчас забросим вещи и пойдем выбирать лошадей. Накатаемся перед обедом, чтобы аппетит нагулять.

— Ты снял домик? А зачем?

— Затем, что мы останемся тут с ночёвкой, — остановился он и повернулся к ней, не выпуская руки.

— Мы так не договаривались.

— А я тебя и не собирался спрашивать, — отрезал он, и голос его прозвучал нарочито грубо.

Шура решила не портить пока себе настроение. О том, что делать дальше, она и подумает потом.

Кататься на лошадях было приятно, но не более того. Ехали они медленно, соблюдая инструкции. Да и о скоростной верховой езде Шура не мечтала, потому что даже так с трудом держалась в седле, все время намереваясь завалиться в бок. Славе приходилось периодически ее поддерживать.

А вот аппетит они нагуляли нешуточный. Обед Слава заказал в домик и столько всего, что когда Шура попробовала последнее блюдо, брюки на ней уже трещали и дышать становилось нечем.

— Ты не возражаешь, если я прилягу? — зевнула она. Сказывалась еще и бессонная ночь.

Комнат в домике было две. Шура удалилась в свою и, не раздеваясь, плюхнулась на кровать, мгновенно засыпая.

— Вставай, соня, в ночь пойдешь...

Она не могла понять, сон это или явь. Слава водит цветком по ее глазам, щекам, губам... Так приятно, только глаза не хотят открываться, как это обычно бывает во сне. Она перевернулась на спину в новой попытке проснуться, но только еще глубже стала проваливаться в сон.

— Не знал, что юные красавицы могут так крепко спать, — донесся до нее смех Славы. — Может, это тебя пробудит, как в сказке?

Губ коснулось что-то теплое и мягкое. Так приятно! И хочется еще. Что-то

беззастенчиво пробралось ей в рот и принялось исследовать его глубины. Но, господи! Это еще приятнее. Она с удовольствием подхватит эту игру, ее язык уже вступил в парный танец.

— Не, ну мы так не договаривались. Спящая красавица, проснись, — трясли ее за плечи, тогда как губы мечтали о продолжении поцелуя. — Пойдем гулять, пока на улице еще светло...

Ну конечно, никакой это не сон, а бедный Слава пытается ее разбудить. Надо же как крепко она вырубилась. А ведь он прав, если не встанет сейчас, то ночью ей опять грозит бессонница. Кроме того, нужно уговорить его поехать домой. Остаться здесь она категорически отказывалась.

— Встаю, встаю... — разлепила она глаза. — Сколько время?

— Ты проспала три часа, — продолжал он сидеть рядом с ней, не давая ей возможности встать. — И мне понравилось целовать тебя сонную.

Его лицо склонилось над ней, а губы коснулись ее, не успела Шура даже сообразить хоть что-нибудь. На этот раз она отчетливо понимала, что он целует ее, но это не казалось менее приятным, чем во сне. Невольно ответила на его поцелуй, чувствуя, как рука его пробирается к ней под футболку и накрывает грудь. Он поглаживает пальцем ее сосок, которому уже тесно в бюстгальтере. А поцелуй все длится, и нет возможности сопротивляться его губам и рукам.

Слава оторвался от ее губ и заглянул в глаза.

— Только не сопротивляйся, — попросил он. — Если я не сделаю этого прямо сейчас, то, наверное, умру.

В его голосе столько мольбы и страсти, что Шура разрешает и себе зайти немного дальше. Она не сопротивляется, когда Слава задирает ее футболку и стаскивает через голову. Не мешает ему, когда он не с первой попытки расстегивает бюстгальтер. Его губы накрывают сосок, тот что совсем недавно ласкали пальцы, и она понимает, что возбуждается все сильнее. Уже тяжело лежать безучастно, руки сами тянутся к его голове и зарываются в волосы. Между ног все намокло и пульсирует. Хочется избавиться от ненужной помехи в виде джинсов и трусов... Но все заканчивается, не успев начаться, оставляя отрезвляющее послевкусие.

— Теперь точно пора вставать, — выпрямился Слава, не переставая смотреть на ее обнаженную грудь.

Она видит, как сильно он возбужден, и какие усилия делает над собой, чтобы и дальше не поддаться страсти. Она тоже не хочет останавливаться, но ни за что не признается в этом ему. Быстро натягивает на себя футболку, стараясь не показывать, насколько смущена и выбита из колеи. Что происходит между ними? Почему каждый раз, когда они сближаются, возникает неловкость? Не потому ли, что когда они оставались просто друзьями, было намного проще?

Они долго гуляли по парку, любовались причудливыми статуями, изображающими мифологических героев. Кормили лебедей в огромном пруду, отрывая от краюхи хлеба небольшие кусочки и кидая им. Интересно было наблюдать с какой гордостью эти птицы принимают корм, как важно они склоняют свои длинные шеи и берут размоченный мякиш клювом, сколько грации, при этом в каждом их движении.

Они очень много разговаривали, сразу обо всем. Но это и сблизило их когда-то — легкость беседы. Они сразу нашли общий язык, как только перестали ссориться тогда, на стоянке. Уже тогда они поняли, сколько между ними общего. Наверное, поэтому и тянулись

невольно друг к другу первое время. Но до поездки к маме Шура и не думала, что их отношения со Славой могут перейти на новый уровень.

Все изменилось с наступлением сумерек. Шура начала заметно нервничать. Все чаще она переспрашивала Славу, упуская нить беседы. В конце концов не вытерпела, повернулась к нему и сказала:

— Поехали домой, прямо сейчас.

— Нет, — так же твердо заявил он. — Мы останемся тут ночевать. Я намерен выяснить, что с тобой происходит.

— Но ты этого все равно не поймешь, — взмолилась она.

— А вот это мы и проверим. Пойдем, — схватил он ее за руку и потянул к домику. — Там мне легче будет за тобой следить.

— Слав, пусти... Ну хочешь, оставайся тут, а я доберусь на попутках...

— Господи, да когда уже ты поймешь, что я не хочу нигде оставаться без тебя?! — он лишь крепче сжал ее руку и ускорил шаг, так что она едва за ним поспевала.

Ужин им опять принесли в домик. Слава расплатился с официанткой и запер дверь, положив ключ в карман брюк. Все это время Шура стояла у окна, глядя не темнеющую улицу и не произнося ни слова.

— Пойдем есть, — позвал он, не переставая тайком за ней наблюдать.

Она молча сидела за столом, пытаясь делать вид, что ест. Но он-то видел, что кусок ей в горло не лезет. Чем темнее становилось на улице, тем чаще она хмурилась, на него не смотрела вообще.

— Шура, давай поговорим.

— О чем? — бросила она на него мимолетный взгляд. Показалось ему, или в нем действительно блеснула злоба?

— О тебе...

— Оставь меня в покое! — прокричала она, бросая вилку в тарелку и вскакивая из-за стола.

Она снова вернулась к окну, за которым уже не было видно ничего, кроме отражающейся в стекле комнаты.

Он испугался ее реакции. Сейчас она напоминала помешанную, и он уже не знал, чего от нее можно ждать.

Осторожно приблизился к ней сзади и положил руку на плечо. В ту же секунду она отскочила от него, как ошпаренная и забилась в угол.

— Не трогай меня, не трогай... — бормотала Шура, сползая по стенке на пол и сжимаясь в комок. — Не трогай меня...

Он совсем растерялся, глядя на нее. Одно он понял точно, что она полностью погрузилась в себя, и вряд ли у него получится до нее достучаться. Первый раз за все время он подумал, а надо ли ему это? Не проще ли жить дальше и делать вид, что ничего не произошло?

— Поехали домой, — голос его прозвучал так устало, что он даже сам испугался. — Там тебе будет легче.

На следующий день Слава сказал, что ему срочно нужно вернуться в город, какие-то неотложные дела требуют его присутствия.

— Я могу за тобой приехать в конце недели, — предложил он Шуре. Но как она не пыталась, поймать его взгляд так и не смогла. Он старательно не смотрел в ее сторону.

— Не нужно, доберусь на автобусе.

— Как скажешь. Спасибо вам за все, Галина Сергеевна. У вас замечательный дом и самые вкусные блины.

Когда он смотрел и говорил с мамой, в голосе его звучала неподдельная теплота. Шура стало до такой степени обидно и больно, что на глаза навернулись слезы. Чтобы никто не заметил их, она тихонько вышла из комнаты. Никто за ней не пошел. Она закрылась у себя, упала на кровать и разрыдалась. Слышала, как хлопнула дверца его машины, и заурчал, исчезая в дали, мотор. Уехал, и так лучше для них обоих. Только почему же до такой степени больно в области сердца?

Все потихоньку становилось на круги своя. Немного тяжеловато было втягиваться после недели отдыха. Привыкла к отсутствию режима — спи, до сколько хочешь, засиживайся хоть до утра... Да и городская загазованность после деревенских просторов казалась удушливой. Но Шура знала, что такое настроение временное. Не первый раз она ездила к маме в отпуск и возвращалась потом в город.

— Шурочка, ну ты стала еще красивее, — встретила ее Вера Павловна в первый после отпуска рабочий день. — Загорела-то как!

После отъезда Славы, Шура почти целыми днями пропадала на пляже. Погода держалась отличная, и она использовала эту возможность, чтобы напитаться витамином Д и немного загореть. И неизменно она вспоминала его, как они были на этом пляже вместе. Тогда они не намеренно выбрали это уединенное место, куда редко кто забредает. Оставшись одна, Шура специально ходила именно на дикий пляж. Она пошагово вспоминала тот день, начиная с момента, когда он разделся и окунулся в воду. Что она тогда испытала? Непреодолимую тягу — ей захотелось немедленно присоединиться к нему, чтобы оказаться рядом. А потом... когда он впервые поцеловал ее? Она же едва не лишилась рассудка, такой шквал эмоций захватил. А потом начался дождь и все испортил.

Уже пошла вторая неделя, как она вернулась из деревни и вышла на работу. А Славу за все это время Шура не видела ни разу. Каждый день, в обед ждала, что откроется дверь, и он, как обычно, позовет, но ничего не происходило. И вечерами она не сталкивалась с ним на стоянке. Даже Вера Павловна заметила как-то:

— Что-то Слава совсем пропал. Уехал что ли куда-то?

Может и уехал. Такую мысль Шура тоже допускала. Только раньше, исчезая из города, он ей непременно об этом сообщал, как и о том, когда планирует вернуться. В этот раз что-то ей подсказывало, что избегает он ее намеренно.

Шура не могла избавиться от мыслей о Славе. Она буквально замирала, когда вспоминала его поцелуи и прикосновения. Испытывала томление. Мысли улетали далеко-далеко. И она мечтала о повторении. В такие моменты работать было особенно тяжело. Трудно сосредоточиться на формуляре читателя, когда вспоминаются самые романтические периоды жизни.

Еще Шура прекрасно понимала, что именно она должна сделать первый шаг к примирению, попытаться наладить с ним отношения. Ведь стоит только подняться на второй этаж, Слава всегда по утрам в офисе. Поговорит с ним, попросит прощения за свое поведение, и, возможно, все станет как раньше. Только вот именно как раньше она и не хотела. Теперь она уже не могла воспринимать его исключительно, как друга. А дать большего тоже не в состоянии. Что еще ей оставалось, как молча страдать и пестовать воспоминания?

В конце второй недели, когда Шура уже смирилась с потерей единственного друга, она заметила на стоянке его машину. В первый момент даже остановилась в растерянности, увидев Славу за рулем. А потом непредсказуемая реакция заставила свернуть ее в сторону, противоположную от остановки, в надежде, что он ее не заметит. Она и сама не понимала, почему поступила именно так. Чувствовала, как сильно бьется сердце в груди, как рада она даже мимолетной встрече, как приятно видеть его до боли знакомое лицо с вечно взъерошенной шевелюрой... Но продолжала бежать, словно за ней гонится свора собак.

Даже когда услышала сигнал клаксона рядом с собой, Шура не остановилась. И лишь увидев поравнявшуюся с ней машину Славы, поняла, что бегство не удалось, и он ее заметил.

— Садись, подвезу, — распахнул он переднюю дверцу, притормаживая у тротуара.

Первой реакцией была отказаться, несмотря на переполнявшие ее радость и волнение. Скорее всего, он заметил это по ее лицу, потому что тут же произнес:

— Садись, кому говорю. Тут нельзя парковаться.

Что бы не выглядеть еще глупее в его глазах, Шура подчинилась.

— Куда едем? — спросил он, не глядя на нее, когда она устроилась на сидении и захлопнула дверцу.

Обидно было слышать полное отсутствие дружелюбия и заинтересованности в его голосе. Не хотелось думать, что он случайно оказался в это время на стоянке. Куда приятнее было размышлять, что он специально дожидался ее, но к чему тешить себя несбыточными мечтами. Да и подло это по отношению к нему.

— Домой.

— Странно... Мне казалось, что дом твой в другой стороне.

Шура почувствовала, как лицо ее заливают жаром. Как, должно быть, глупо она сейчас выглядит. На глаза навернулись слезы обиды. Как же ей не хватало того тепла, что исходило от него раньше! Сейчас рядом с ней сидел совершенно посторонний человек. Он даже по-прежнему не смотрел в ее сторону.

— Ладно, поехали, — буркнул Слава и тронул машину.

Но он не развернулся, а продолжал ехать в противоположную от ее дома сторону.

— Куда мы едем? — через какое-то время спросила Шура.

Не то чтобы она настаивала на немедленной доставке ее домой. Да и не в той ситуации она находилась, чтобы диктовать условия. И в общем-то она даже рада как можно дольше понаслаждаться его обществом. Но знать, куда они направляются, она имела право.

— Ко мне.

К нему? Она ни разу не была у него дома. К своему стыду, даже не знала, в каком районе города тот находится. Она по-новому взглянула на человека, с которым общалась вот уже три года. А что она, собственно, вообще о нем знает? Кроме того, что он талантливый торговый агент, прекрасный собеседник и верный друг? Ничего. И так случилось не по его вине, а потому что она никогда не интересовалась его жизнью.

— Зачем? — все-таки решила уточнить она, опасаясь, что он плюнет, развернет машину и повезет ее домой. Она даже себе боялась признать, что не хочет этого, что согласна на все, лишь бы не расставаться с ним сейчас.

— Накормлю тебя ужином... и поговорим, — первый раз за все время посмотрел он на нее.

Только тут Шура заметила, что выглядит Слава неважно, каким-то уставшим. Уж не стряслось ли чего у него, пока она эгоистично думает только о себе.

— Возражения будут? — продолжал он пытливо смотреть на нее.

— Нет, — едва слышно ответила Шура, отводя взгляд.

— И истерик закатывать не станешь? — еще более настойчиво поинтересовался он.

Хоть она и не смотрела на него, а с видимой заинтересованностью пялилась в окно, отчетливо осознавала, что взгляд Славы все еще прикован к ее лицу. Он даже скорость сбросил и тащился вдоль обочины дороги.

— Не стану, — она чуть не прикусила до крови губу. Вовремя остановилась. Понимала, что заслужила такое отношение, но не могла не сердиться.

— Замечательно, — отвернулся он и вновь сосредоточился на дороге.

Через пятнадцать минут они остановились возле небольшого коттеджа в той части города, где обосновалась элита. Тут не было многоэтажных домов, лишь частные, отгороженные высокими заборами, с расчерченными между ними ровными дорожками.

— Это твой дом? — потрясенно спросила Шура, заметив, что Слава намеревается выйти из машины.

— Моего отца. Я здесь просто живу.

Он вышел, хлопнув дверцей, и открыл замок на воротах. Распахнул их, и Шура увидела ухоженный газон, радующий глаз сочной зеленью, несколько фруктовых деревьев, образующих небольшой садик, резную деревянную беседку и такие же деревянные качели рядом. Райский уголок, мелькнуло в голове. Ей сразу понравилось, как здесь все устроено — просто и со вкусом.

— Ты не говорил, что из состоятельной семьи, — произнесла она, когда он вернулся в машину.

— А ты и не спрашивала.

Ну что ж, получила справедливый упрек. Только почему же так обидно?

Он загнал машину в гараж, расположенный в подвальном этаже дома, и через внутреннюю дверь они попали прямиком в огромную кухню. Наверное, по размерам она была примерно такая, как вся половина их с мамой дома. А техники тут было столько, что назначение половины ее Шуре было не известно.

— Можешь пройти в гостиную и побыть там, пока я быстро сооружу нам ужин, — предложил Слава. — Посмотри телевизор или полистай журналы... Там их полно на журнальном столике.

— Нет, — слишком поспешно ответила она. — Я лучше тебе помогу, — дурацкие просящие нотки в голосе. Откуда они только взялись?

— Как скажешь, — пожал он плечами. — Тогда ты займешься салатом, а я пожарю картошку. Больше я ничего готовить не умею, — неожиданно улыбнулся он, и на душе Шуры сразу же потеплело.

Готовили они в тишине. Вернее, ее нарушала лишь приятная мелодия, лившаяся из магнитолы, которую включил Слава. Чувство неловкости не покидала, и Шура догадывалась, что Слава его тоже испытывал. Что-то изменилось в их отношениях безвозвратно. Исчезли легкость и постоянная потребность говорить, не важно, на какие темы. И вряд ли это уже вернется.

Когда салат уже был нарезан, и картофель подходил в сковородке, Слава достал из шкафа приборы и расставил их на столе. При этом он ненароком коснулся Шуриной руки. Какую гамму эмоций она в тот момент испытала! И самой сильной было возбуждение. Что же с ней твориться, если достаточно одного касания. Вновь краска стыда залила щеки, на

этот раз от досады на собственный организм.

Шура ждала, когда он заговорит первый. Картофель уже дымился в тарелках. Слава наполнил их стаканы апельсиновым соком и опустил на стул напротив нее. Он вооружился вилкой, но не торопился начинать есть, словно собирался с мыслями. Смотрел в тарелку, но думал явно не о картошке. Шура физически чувствовала его смятение и терпеливо ждала. Она понимала, что настал момент поговорить начистоту.

— Почему не позвонила, когда приехала? — посмотрел он на нее, и в глазах его она прочитала обиду.

— Я думала, что ты не хочешь меня видеть.

— Я и не хотел...

Шура почувствовала, как на глаза наворачиваются слезы. Она боялась это от него услышать и сейчас испытывала почти физическую боль.

— Почему ты плачешь? — нахмурился он.

Она лишь покачала головой, не в силах вымолвить ни слова. В горле стоял комок и мешал дышать.

— Шура, посмотри на меня, — он накрыл ее безвольно лежащую на столе руку своей.

Она боялась поднять на него глаза, потому что по щекам уже всюду струились слезы и нос начал хлюпать нещадно.

— Иди сюда, — встал он из-за стола и потянул ее за руку. Обнял и прижал к себе. — Не плачь, — прошептал в волосы.

Так приятно было прильнуть к нему всем телом, ощутить его тепло и силу. Шура положила голову ему на плечо и чувствовала, как пропадает желание плакать, высыхают слезы...

— Я больше не могу так, — заговорил он, уткнувшись губами в ее макушку. — Не могу видеть тебя рядом и не обладать тобой. Я честно пытался забыть... Но не смог. Мне нужна ты вся, понимаешь, — заставил он ее посмотреть на себя. — Я не знаю, что с тобой происходит, но готов терпеть это... если ты позволишь.

Он накрыл ее губы своими. Как сильно она, оказывается, хотела этого. Даже когда мечтала, вспоминала, не думала, что действительность превзойдет ожидания. Даже в деревне она не ощущала всей полноты чувств, хоть его поцелуи и доставляли ей блаженство. Но сейчас она поняла, что больше не сможет обходиться без него, что готова согласиться на что угодно, лишь бы он и дальше целовал ее, и лишь бы чувствовать, как касаются ее его руки, ощущать тепло его тела.

— Скажи, что ты согласна, что будешь моей девушкой, — прервал он поцелуй, заглядывая ей в глаза.

— Давай попробуем...

Не могла она дать полного согласия, безоговорочно капитулировать. Не знала, сможет ли соответствовать ему, и как долго продлится их связь. Поэтому и предложила попробовать.

— Пойдем есть? — спросил он, а она поняла, как сильно хочет его именно сейчас, немедленно. То же желание она читала в его глазах и чувствовала, как сильно он возбужден.

— Нет, — ответила она, пытаясь вложить во взгляд все, что испытывала в данный момент. Боялась открыто признаться ему, насколько сильно сгорает от страсти.

Слава понял все правильно — без лишних вопросов подхватил ее на руки и понес в спальню. Впервые ей не мешал полумрак. Хоть на улице и всюду еще светило солнце, плотные шторы не давали его лучам проникать в комнату. Но об этом Шура сейчас не

думала, сосредоточившись на руках, что боролась с пуговицами на ее блузке и губах, что ни на секунду не оставляли ее губы.

Она помогла ему справиться с блузкой и избавилась от юбки, оставаясь в одном нижнем белье. Он торопливо разделся тоже, откинул покрывало и уложил ее на кровать.

Он не спешил и дальше раздевать ее, целуя губы, глаза, шею... Она изогнулась от наплыва страсти, когда губы его коснулись ее соска через тонкую ткань бюстгалтера. Это были непередаваемые ощущения, когда он вроде и дотрагивался до нее, и в то же время мешала ажурная ткань. Касание на грани, доводящее ее до исступления. Он дразнил ее, не заходя дальше. То же самое он проделал с ее нижней частью. Сперва гладил внутреннюю сторону бедра, лишь слегка дотрагиваясь пальцами до кромки трусиков, временами ненароком проникая под них и задевая самую чувствительную точку, что всюю уже пульсировала и заставляла хотеть полного удовлетворения.

Лишь доведя Шуру почти до потери сознания, когда степень возбуждения достигает пика, Слава освободил ее от нижнего белья. И началась новая пытка. Его губы терзали ее соски, заставляя выгибать спину и стонать от страсти, молить о большем. На что он лишь загадочно улыбался и уговаривал потерпеть. Его рука скользила по ее животу преступно медленно, пока не коснулась треугольника между ног, не дотронулась до сочащихся влагой складок. Она раскрылась ему навстречу, позволяя проникнуть в себя пальцам.

Наигравшись с сосками вволю, Слава принялся прокладывать поцелуями дорожку вниз. Ненадолго задержался в районе пупка, поцеловал каждый сантиметр ее живота и наконец приник губами к ее лону. Что творил его язык! Она извивалась под ним и молила о пощаде, а он лишь крепче держал ее ноги и продолжал эротический танец. Он не выпускал ее, пока она громко не выкрикнула и не излилась внутренним соком. Лишь тогда он позволил себе войти в нее. Одним резким движением он наполнил ее до краев. В тот момент Шура осознала, что никогда еще ей не было настолько хорошо с мужчиной, что она непременно захочет повторения и даже сама попросит его об этом, если будет нужно.

Когда уставшие, но удовлетворенные, они лежали, обнявшись, в постели, Слава спросил:

— Останешься?

Шура все еще плохо соображала от пережитой страсти. Внутри еще клочкотали ее отголоски, но в этот момент она четко осознала, что оставаться нельзя ни в коем случае, что она рискует испортить то, что стало самым прекрасным в ее жизни.

— Не в этот раз, — уклончиво ответила она. — Отвезешь меня домой?

— Может, закончим сначала наш ужин?

— Нет, Слав, поздно уже, — посмотрела она в окно, где уже начинали сгущаться сумерки. — Давай, в другой раз.

Она отомстила врагу. Прошло уже больше месяца, как она полностью сокрушила его, но до сих пор образ его преследовал ее в воспоминаниях. Что она сделала неправильно, почему не испытывает такого желанного удовлетворения? Ведь это он изощренно истязал тогда ее тело. Он сделал тогда с ней именно то, что и пообещал: «Ты получишь за всех сук, что пытались унижить меня, подчинить себе». Он — жалкий импотент прикрывающийся богатством и импозантной внешностью, измывался над ней, вымещал копившуюся годами злобу на женщин за свою беспомощность.

Тогда она поклялась отомстить. И само проведение оказалось на ее стороне — направило ее в нужное место. Так почему же она не испытывает радости? Не потому ли, что он уже давно наказан, и не ей вершить его участь?

Впервые Шер задумалась, а так ли правильно то, что она делает? Ведь, по сути, она мстит всем мужчинам, давая им то, о чем они мечтают, заставляя хотеть себя снова и снова, лишая надежды на нормальную половую жизнь. А тот? Разве он не занимался тем же, измываясь над женщинами и тоже заставляя ненавидеть его и помнить всю жизнь. А раз она захотела ему отомстить, то кто сказал, что другие не захотят того же по отношению к ней.

Чем больше Шер думала об этом, тем сильнее запутывалась. У нее было слабенькое, но оправдание — она получала эстетическое удовольствие от того, чем занималась. Ведь, в этом деле ей не было равных, и отчасти тот, кто получал ее, выигрывал главный приз. Так почему же сейчас ей кажется, что поступает она плохо?

Эти мысли извели ее окончательно. Она уже хотела захлопнуть ноутбук, так и не найдя клиента на эту неделю, как наткнулась на интересное сообщение. С фотографии анкеты на нее смотрел ничем не примечательный парень. Обычный, каких очень много вокруг. Возраст до тридцати. Довольно симпатичный, хоть и не красавец. В общем, обычный. Но что-то зацепило Шер в его взгляде. Она долго всматривалась в его глаза, пытаясь выделить главное. Ей это было необходимо, хоть рука уже и тянулась сама, чтобы нажать на кнопку «ответить».

Что же там? Любопытство? Так оно есть везде. Шер только тогда проходила мимо, когда кроме любопытства и спортивного интереса ничего больше не видела в глазах претендента. Просьба? Так все они в той или иной степени просили обратить на себя внимание. Что-то было еще... Детская непосредственность, вот! Она выделила главное. Он так смотрел на нее, как ребенок на рождественскую елку — радостно и с предвкушением чуда.

Она ответила и назначила встречу. Она удовлетворит его любопытство, подарит незабываемые часы. Сейчас это даже больше нужно ей, чем ему, чтобы забыться, вычеркнуть воспоминания и притупить ворчание совести.

Шер не называла то, чем занималась, работой. Относились к этому скорее, как хобби, развлечению. Но ей нравилось производить впечатление, воспламенять страсть. Она и сама получала от этого эстетическое удовольствие и относилась к разряду искусства. Ей не нужно было делать это часто, но примерно раз в неделю она испытывала жуткую потребность в горячем сексе по ее правилам. Тогда она выбирала клиента и воплощала с ним свои фантазии. У нее не было одинаковых ночей, каждая вносила какое-то разнообразие в жизнь, которую Шер считала пустой и бессмысленной. Только ночью появлялся смысл, ради

которого она и жила.

На улице моросил дождь, словно осень попросила лето разрешить ей немного повластвовать. Дул промозглый ветер, несвойственный концу июня. Синоптики утверждали, что первый месяц лета в этом году выдался самым холодным за последние пятьдесят лет. Но Шер любила такую погоду. Это была ее стихия.

Она привычно облачилась в черную кожу, надела парик, только макияж на этот раз не стала делать ярким — детское любопытство нужно удовлетворять с детским лицом. Ситуация все больше забавляла ее. Даже самой становилось интересно, что из этого может получиться, какие сюрпризы на этот раз преподнесет ей ее фантазия.

Местом встречи она выбрала небольшой мотель, расположенный на выезде из города. С водителем такси договорилась, что тот вернется за ней через три часа. Расплатилась сразу и за дорогу обратно, как делала всегда.

Интуиция, которая до этого упорно молчала, уже у самых дверей номера решила активизироваться. Нехорошие предчувствия шевельнулись в душе, но Шер тут же отогнала их — не в ее правилах было отступить в последний момент.

Парень оказался точь-в-точь таким, как на фотографии. Веснушчатый, улыбчивый и по-детски непосредственный. Шер даже улыбнулась невольно, до чего же порой снимки передают достоверно характер человека. Когда переступала порог номера, беспокойство уже всюю копошилось в душе. И в следующий момент Шер поняла, почему. На диване сидели не меньше пяти парней. Коллективного шоу захотелось мальчикам, и они решили, что Шер им его с удовольствием устроит.

В следующий момент ее словно обдало кипятком. Она натолкнулась на крайнюю степень изумления в знакомых до боли голубых глазах. Что вытворял в этот момент ее мозг! Он готов был расколоться на две половинки, чтобы уже никогда больше не стать единым целым. В глазах потемнело, и Шер с трудом удержалась на ногах. Бежать отсюда, бежать! — подтолкнула резкая мысль, и она, как стрела, вылетела из комнаты и помчалась по лестнице вниз.

Она неслась, сломя голову, не разбирая дороги, не замечая, как хлещет по лицу усилившийся дождь. А может это ее слезы активно смачивали щеки. Шер уже ничего не понимала. А в голове продолжала пульсировать единственная мысль: «Бежать!»

Кто-то звал ее по имени, но она уже и сама не помнила, как ее зовут. Кто-то гнался за ней, тот, от кого она непременно должна убежать, оторваться, исчезнуть навсегда. В голове стучали миллион молоточков, раскалывая мозг на мелкие кусочки. Сигнал «бежать» усиливался во столько раз, сколько осколков было в голове.

Шер не замечала слепящих фар и визга тормозов. Инстинкты самосохранения покинули ее, словно даже они боялись того, что могло произойти. В последний момент Шер заметила, как стремительно приближается залитая дождем мостовая и почувствовала резкую боль в голове, перед тем, как в глазах окончательно потемнело.

В комнате не горел свет, и в первый момент она не смогла определить, где находится, пока не начали проступать очертания предметов, вырисовывая знакомый интерьер. К голове было прижато что-то холодное. Она протянула руку и убрала мокрое полотенце, попутно определив, что парик ее куда-то исчез.

В том месте, где было полотенце, она нащупала огромную шишку. Здорово же она обо что-то приложилась. Голова болела, но совсем чуть-чуть. И тошнило ее не от боли, а от глубины осознания того, что сегодня произошло. Осколки в мозгу снова стали единым

целым, и она отчетливо поняла, что катастрофа была неминуема, что случилось то, что должно было произойти.

— Очнулась?

От этого голоса, донесшегося из глубины комнаты, Шер вздрогнула, а потом вся сжалась. Ей хотелось исчезнуть или стать невидимой, но она должна испить чашу унижения до дна.

Отвечать не имело смысла. Что могла она сказать, что и так не было бы очевидным?

— Как ты себя чувствуешь? — Слава приблизился к кровати и опустился на самый край, подальше от нее, словно боялся испачкаться.

— Нормально, — голос прозвучал хрипло. Губы пересохли и потрескались. — Ужасно хочу пить.

Он вышел на несколько минут и вернулся со стаканом воды. Пока пила прохладную жидкость мелкими глотками, думала, как поскорее отсюда убраться. Больше всего ей сейчас хотелось оказаться дома, подумать обо всем как следует и принять какое-нибудь решение. Но она знала, что уйти ей не позволят.

— Значит, ты и есть та самая Шер, о которой мечтают половина мужчин города?

Слава говорил спокойно, даже равнодушно. Но слова его хлестали ее по щекам, заставляя дрожать всем телом. Она зябко куталась в плед, которым была укрыта, и вжималась в угол, все еще страстно желая исчезнуть.

— Вот какую тайну ты так старательно оберегала? Ты — путана, ночная бабочка, что кружит голову мужикам, заставляя мечтать о себе. Ты — невидимка, которую невозможно увидеть или разыскать днем. Ты — двуличная лживая тварь.

Он уперся локтями в колени и обхватил голову руками. Она физически ощущала, насколько ему сейчас плохо, страдала вместе с ним, но ничего не могла сделать

— Что молчишь? — повернулся он к ней. — Скажи хоть что-нибудь, попытайся оправдаться...

— Зачем? — заставила она выговорить себя. — Это ничего не изменит.

— Ну должен же я знать, за что ты так со мной поступила?

— Я не хотела этого.

— Чего именно ты не хотела? — придвинулся он к ней. — Я даже не знаю, как тебя теперь называть? Кто ты — Шер или Шура? Ты не хотела, чтобы я узнавал о твоём втором лице? Но все тайное рано или поздно становится явным. Или ты не хотела быть со мной? Тогда зачем ты согласилась, когда я тебе это предложил?

Что она могла на это ответить? Что любит его так сильно, как не любила еще никого? Что в тот момент, когда соглашалась стать его девушкой, не думала больше ни о чем? Что ни разу в жизни ей еще не было так хорошо с мужчиной, даже тогда, когда игра строилась по ее правилам? Он не поверит ни единому ее слову, потому что уже сделал выводы. Да и оправдываться она не станет, потому что не чувствует себя преступницей.

— Кто ты сейчас? — тихо спросил он.

— Шер, — не задумываясь ответила она. — Ночью я всегда Шер.

Хоть тут она могла сказать ему правду. Это началось уже давно, и противостоять этому у нее не было ни малейшей возможности. Несмотря на все его обвинения, она не чувствовала себя виноватой. Может быть совсем чуть-чуть, потому что скрыла от него правду, но не из-за того, кем она являлась.

— А тем вечером я держал в объятьях Шуру? — еще ближе придвинулся к ней Слава.

Она почувствовала, как ее в буквальном смысле приперли к стенке.

— Да, — едва слышно ответила.

— А знаешь, я даже благодарен теперь друзьям, что затащили меня сегодня в тот мотель. Знала бы ты, как я сопротивлялся, — невесело усмехнулся он. — И думал я в тот момент о тебе, что ты можешь посчитать это предательством. Решил пойти из любопытства, просто посмотреть. Вот и увидел...

Внезапно он схватил ее за плечи и с силой потряхнул. Движение отдалось болью в голове, и Шер поморщилась.

— Скажи уже хоть что-нибудь. Попытайся оправдаться.

— А что это даст? — посмотрела она ему прямо в глаза. — Станет тебе или мне легче от моих оправданий? Все кончено, Слава. Теперь ты знаешь, кто я. Так что давай не будем затягивать сцену прощания, — попыталась она высвободиться.

Но не тут-то было — он сжал ее плечи еще сильнее, делая больно, оставляя синяки.

— И ты думаешь, я так просто отпущу тебя? Ошибаешься, милая.

Он впился в ее губы поцелуем, она даже сообразить ничего не успела. Он делал ей больно, и это боль была на грани с наслаждением.

— Знала бы ты, как сильно я тебя сейчас ненавижу, — оторвался он от ее губ, но не дал отвернуться, удерживая за подбородок. — Но это не мешает мне заняться с тобой любовью. Покажи мне, на что способна Шер. Почему она заставляет всех так страстно себя желать.

В душе зарождалась злость. Дикая неконтролируемая. Да, она виновата, но никому не позволено вытирать об нее ноги. Гордость — это единственное, что у нее осталось. И она больше никому не позволит растоптать себя. А именно это сейчас пытается сделать Слава.

— Ты хочешь знать, кто такая Шер? — она чувствовала, как наступает перевоплощение, как эмоции отодвигаются на второй план, как злость придает сил и делает голос уверенным. — Включи свет.

Слава подчинился, комнату залил яркий свет, глаза заслезились, но с этим она справилась быстро. Помогла все та же злость, что разрасталась в душе со скоростью снежного кома.

Шер оглядела сначала себя. Кроме топа и белья, на ней больше ничего не было. Ну что ж, это даже облегчает задачу. Порадовалась, что решила обойтись без макияжа, представляла, как выглядела бы после дождя, накрасься она сегодня. Не хватало парика, но и это не сильно помешало перевоплощению.

Она встала с кровати и подошла к Славе вплотную.

— Посмотри мне в глаза, — велела она нетерпящим возражения тоном.

Он подчинился. По всему становилось заметно, что чем сильнее чувствует себя она, тем больше он теряет уверенность. Сомнения она явно читала в его глазах, мысленно ликуя, что сильнее его в данный момент.

— Чего же ты хочешь? — пробормотала она, заглядывая ему в самую душу, отыскивая то, что было для него самым важным. — Ты хочешь мести. Но это меня сейчас не интересует. Ты не всегда ее хотел, — говорила она скорее себе, нежели ему. — Сейчас мне интересно, с чем ты родился и чего всегда ждал от женщин.

Она полностью абстрагировалась от того, кто находился перед ней в данный момент. Сейчас он был клиентом и больше ни кем, тем, чьи тайные желания она должна разгадать и воплотить так, как только она это умеет.

— Ты ищешь ту единственную, особенную, такую, чтоб на всю жизнь, — размышляла она. — Тебе нужна полная гармония души и тела. Твои запросы слишком велики, — вынырнула она из омута его глаз и обратилась напрямую к нему. — Но нет ничего, что бы я не смогла удовлетворить.

Она взяла его за руку и подвела к кровати. Мягко толкнула его на покрывало, откидывая в сторону плед. Ничего не должно мешать. Остались только она и он, их тела, которые совсем скоро станут единым целым.

Первым делом она избавилась от одежды, что была на нем. Слава не препятствовал, находясь в состоянии, близком к трансу. Он испытывал безотчетный страх, и уже сам был не рад, что затеял эту игру. В девушке, что расстегивала пуговицы на его рубашке, освобождала его от брюк и трусов, он не узнавал Шуру. Сейчас перед ним была действительно опасная Шер.

Сама она не спешила раздеваться. Лишь сняла топ, обнажаясь ровно на столько, насколько пока было необходимо. Он смотрел на нее так, словно видел впервые, и это ее вполне устраивало. Такое и было у них впервые. А про все остальное на время можно забыть.

Шер уселась на его бедра, прижимая то, что уже находилось в состоянии возбуждения, не давая ему возможности двигаться. Она провела руками по его обнаженной груди, чувствуя, как под пальцами рождаются мурашки, наслаждаясь гладкостью его кожи, упругостью мышц, лаская взглядом в такт рукам его торса.

Она склонилась над ним, едва касаясь его грудью, приблизила свое лицо к его и накрыла губы чувственным поцелуем. Именно она целовала его, а он подчинялся. Ее язык неторопливо исследовал глубины его рта, очерчивал зубы. Она легко покусывала его губы и снова пускала язык в эротический танец. Поцелуй длился ровно столько, сколько потребовалось, чтобы зрачки его расширились от страсти. В ее лоно, спрятанное под тонким кружевом, упирался его затвердевший орган. Она елозила по его головке, заставляя хозяина дрожать от желания. Руки ее, не переставая, гладили его шею, грудь, спускаясь все ниже, но не дотрагиваясь до того, что мечтало очутиться в ее власти.

Он попытался ее обнять и притянуть к себе, но она убрала его руки и завела вверх.

— Сегодня все буду делать я, — проговорила она ему в губы. — Потерпи, тебя ждет незабываемое наслаждение.

Она осыпала его шею поцелуями, проводя ладонями по внутренней стороне рук, от кистей до подмышечных впадин, заставляя его втягивать воздух и еще сильнее упираться в нее членом. Взяла в плен сосок и долго играла с ним, посасывая, втягивая в рот, обводя языком, пока он не застонал от неконтролируемого желания.

Шер намеренно истязала его сладостной пыткой, ожидая, когда он взмолится и попросит о продолжении, но Слава сохранял молчание. Он больше не пытался обнять ее, лишь временами постанывал, когда терпеть страсть становилось невмоготу.

Шер медленно приближалась к тому, что ждало ее с таким нетерпением. Она обхватила его прохладными пальцами и погладила по самому кончику, наклоняясь так низко, почти касаясь губами, согревая своим дыханием. Она лизнула его, как леденец, и внезапно выпустила. Слава не сдержал стон разочарования. Не обращая на него внимания, Шер встала на кровати, по обе стороны от него, почти над его лицом и принялась медленно снимать с себя белье. Сначала она освободила грудь, провела по ней руками, задерживаясь на сосках, сжимая их пальцами и закидывая назад голову. Это не мешало подметить, с какой жадностью он смотрит на нее и ловит каждое движение, как судорожно дышит,

рассматривая ее грудь с напрягшимися сосками.

Настало время трусиков. Шер порадовалась, что сегодня на ней были на завязках по бокам. Она потянула за ляжки, и кружевная ткань упала ему на грудь, открывая взору сочащуюся влагой и желанием щель. Этого Слава уже не в силах был вынести молча. Он громко застонал, облизывая пересохшие губы и вызывая у Шер похотливую улыбку.

— А теперь займемся нашим красавчиком, — произнесла она, переступила через него и опустилась на колени задом к нему, даря возможность наслаждаться своей влажной прелестью.

Она снова взяла в руку его умоляющий о возможности разрядки член и погрузила головку в рот, потно обхватывая губами и всасывая в себя. Раздвинула ноги и изогнула спину так, чтобы максимально раскрыться ему с другой стороны, чтобы он отчетливо понимал, насколько сильное возбуждение она испытывает сама.

Движения стали ритмичными. Она вбирала его в рот весь и снова выпускала наружу, дула на головку, а потом опять погружала во влажный теплый плен. Пальцы ее одновременно с этим нежно перебирали его яички, а потом и язык присоединился к ним. Это Шер называла чайными пакетиками, когда едва касаясь обводила языком хрупкие шарики, параллельно массируя член.

Она невольно вздрогнула и остановилась, когда его палец проник в ее щель, нащупал самую чувствительную точку и принялся теревить ее. Теперь ее движения ртом прервали стоны. Она извивалась от страсти, но его пальцы не останавливались ни на секунду.

Когда Шер поняла, что он готов к кульминации, и сама она уже к тому моменту почти достигла оргазма, она развернулась к нему лицом и всадила его в себя одним движением. Пика они достигли одновременно. Именно такой секс Шер считала полным.

Все еще содрогаясь в конвульсиях оргазма и чувствуя, как он пульсирует в ней, Шер без сил упала на грудь Славы. Не совсем так все прошло, как она планировала. Слишком много сил и энергии потратила она сама, отдаваясь ему. И такого удовольствия от полового акта с клиентом она еще ни разу не испытывала.

Собрав всю волю в кулак, она заставила себя слезть с него и покинуть кровать. Собрала с полу белье, одежду и все так же молча направилась в ванную. Минут пять она стояла под горячим душем, анализируя, что же чувствует сейчас. Сегодня она не была только Шер. Чувства Шуры к Славе проснулись в ней в самый неподходящий момент, затуманив разум, превращая холодную игру в трепетную страсть. А этого она делать не планировала, отчего и испытывала растерянность. Ей было так хорошо, что это пугало.

Из ванной она вышла полностью одетой и не обнаружила Славы в спальне. Нашла его на кухне, где он, как ни в чем не бывало, заваривал чай.

— Будешь чай или кофе? — повернулся он к ней, и она подметила, что лицо его в этот момент ничего не выражает, кроме вежливого равнодушия.

— Нет, спасибо. Я пойду...

— На ночь глядя? — удивился он. — Оставайся.

— Нет, — только и ответила она, практически выбегая из кухни.

Он не пошел за ней. Не проводил, не закрыл дверь. Каждую секунду на улице она ожидала, что он появится, позовет ее, но ничего не происходило. Она вызвала такси и пока ждала его, все думала-думала... Все пошло не так. Это она должна была запомниться ему на всю жизнь. Он обязан был попросить о повторении, а она ему должна была ответить, что Шер не спит с одним и тем же клиентом дважды. Но все получилось наоборот. Он остался

равнодушен к ней, а она дико хотела повторения сегодняшней ночи.

— Шурочка, деточка, что с тобой происходит? — участливо спросила Вера Павловна.

— Вот уже несколько дней ты сама не своя. Случилось что? С мамой?..

— С мамой все в порядке, — с трудом ответила она.

— Тогда, почему мне все время кажется, что ты едва сдерживаешься, чтобы не заплакать? На обед перестала ходить, по вечерам засиживаешься тут допоздна... Со Славой поссорилась?

Шура дернулась, как от удара. Не нужно произносить при ней это имя, она и так не знает, когда сможет зализать раны, и сможет ли. Пока ей так плохо, что жить не хочется.

С того памятного дня прошли две недели. Ровно две недели, как она больше не знала, кто она и чего хочет. Ей одинаково стали неприятны и дни, и ночи. Воспоминания о той ночи преследовали ее. Она засыпала с мыслями о Славе и, едва открывая глаза, начинала думать о нем. Все время ждала его звонка, будучи уверенной, что ни за что не позвонит. Каждый день она заставляла себя идти на работу, делать вид, что все нормально, общаться с людьми, когда больше всего хотелось забиться в угол, никого не слышать и не видеть. Но самой большой мукой для нее стали выходные, когда она оставалась в четырех стенах, один на один со своим позором. Она потерпела полное фиаско — Шер, что заставляла мужчин страдать по себе и искать новых встреч, влюбилась. Она хотела одного единственного мужчину, которого не могла получить. И самое главное, она понимала, что заслужила все это, за все те бесчинства и разврат, что творила на протяжении трех лет.

— Знаешь, Шурочка, по себе знаю, как иногда полезно просто высказаться, — продолжала рассуждать Вера Павловна, участливо поглядывая на нее. — Иногда это является самым действенным лекарством, особенно, когда ничего нельзя исправить, — чуть тише добавила она.

Ничего нельзя исправить. Как четко, всего несколькими словами эта мудрая женщина обрисовала ее ситуацию. Сделанного не вернешь, и жалеть о трех прожитый годах бессмысленно, но как же она хотела сейчас ничем не отличаться от всех остальных, никогда не становиться хищницей Шер.

Шура не выдержала жалости и понимания в глазах начальницы. Она горько расплакалась, чувствуя, как притупляется боль в груди, как со слезами из нее выплескивается часть горя.

— Девочка моя! — тут же подлетела к ней Вера Павловна. — Да что же с тобой случилось? Кто так сильно тебя обидел?

Она гладила ее по голове и прижимала к себе все время, пока не иссяк поток слез. Как только смогла заговорить, Шура попросила:

— Присядьте, пожалуйста.

Женщина опустила на соседний стул и ждала, словно догадывалась, что за этим последует. Хорошо, что в эти послеобеденные часы в библиотеку никто не заглядывал, да и погода сегодня выдалась дождливая. Даже природа оплакивала ее неудавшуюся жизнь.

— Так уж случилось, что у меня нет близкой подруги, — произнесла Шура, уже полностью успокоившись. — Конечно, она была, когда я училась в школе, но потом жизнь как-то развела нас, и сейчас мы не общаемся. А в городе у меня много знакомых, но ни с одной я так и не сдружилась...

Кроме Славы. Именно он все эти годы был и другом ей, и подругой. И оценила это Шура лишь когда потеряла его.

Вера Павловна не перебивала ее и не пыталась заговорить, когда Шура ненадолго замолчала, словно видела, с каким трудом ей даются слова.

— Мама тоже не тот человек, которому я могу рассказать все. Но и в себе больше держать этого не могу, — она умоляюще взглянула на начальницу. — Согласны ли вы стать моим исповедником?

— Скажешь тоже, — неловко усмехнулась та. — Ну какой из меня исповедник? Для этого нужно прожить безупречную жизнь, чтобы прощать ошибки другим. Я могу лишь выслушать тебя, да дать совет, если потребуется.

Про начальницу Шура знала лишь то, что она одинока. В этом плане жизнь ее не сложилась, если можно так сказать. Не получилось выйти замуж и родить детей. Но это ей не мешало ко всем относится по-доброму, проводить благотворительные акции, помогать людям, попавшим в тяжелую жизненную ситуацию. Люди ее уважали, и сейчас Шура нуждалась в ее помощи.

— Мой рассказ не из приятных, и я очень боюсь шокировать вас, — предупредила Шура, все еще сомневаясь, правильно ли поступает, не оттолкнет ли навсегда и эту добрую женщину.

— Деточка, — грустно вздохнула Вера Павловна и посмотрела на нее печальными и мудрыми глазами, — несмотря на всю мою видимую целомудренность, я многое повидала и испытала в жизни. Вряд ли тебе удастся меня шокировать.

— Ладно, — решила Шура и какое-то время еще собиралась с мыслями, пока те не оформились в ее голове. — Вот вы все называете меня солнечным зайчиком, считаете, что я такая хорошая, добрая... тогда как я отвратительна! Я настолько омерзительна, что противна даже самой себе. Боюсь, что и вам я стану противна, когда выслушаете меня, но еще больше мне нужно кому-нибудь рассказать.

Она снова замолчала, мыслями возвращаясь в тот день, с которого все началось.

— Все началось накануне отъезда моего из деревни...

В тот день родители Шуры устроили ей шикарные проводы. Мама наготовила всякой всячины, накрыла богатый стол, пригласила друзей и соседей. Отец позвал своих собутыльников тоже. Единственно, на чем настояла мать, так чтобы он не приводил самых отпетых, не портил дочери праздник.

Много тостов было произнесено в тот вечер, еще больше советов и напутствий получила Шура. Она всех внимательно слушала и радовалась, что отныне вступает во взрослую самостоятельную жизнь.

Гости засиделись допоздна. Шура же ушла спать пораньше, потому что ей предстояло встать ни свет, ни заря, чтобы успеть на автобус. Еще долго она слышала шум пьяного веселья, пока сон не сморил окончательно. А потом наступил кошмар. Она проснулась от пахнувших перегаром поцелуев и того, как чьи-то руки шарили по ее телу...

В ту ночь шел сильный дождь, словно сама природа оплакивала ее судьбу. В какой-то момент, молча захлебываясь слезами, боясь издать хоть звук, чтобы не разбудить отца или мать и не сделать их свидетелями своего позора, страдая от невыносимой боли, Шура отчетливо осознала, как что-то перевернулось в ее голове, и мысли потекли в другом направлении. Словно кто-то остановил механизм часов и заставил стрелки крутиться в другую сторону. Тогда она еще не понимала, насколько сильно изменилась, потребовалось

время, чтобы она осознала себя с новой стороны.

— На следующий день я уехала. Родители так и не поняли, почему накануне такой веселый ребенок, с утра был хмурым и раздражительным. Приписывали все это волнению.

Вера Павловна уже всюю плакала, размазывая слезы по лицу.

— Деточка, но то, что ты рассказываешь, просто ужасно! — воскликнула она. — А тот... мужчина?.. Кто он? Его нужно обязательно наказать!..

— Дело в том, Вера Павловна, что мое сознание сыграло со мной злую шутку, — невесело усмехнулась Шура. — На следующий день я не могла его вспомнить, словно что-то блокировало воспоминания. Я вообще сомневалась, что это произошло со мной на самом деле. А возможно, таким образом я спаслась от сумасшествия. Как бы там ни было, — пожалала она плечами, — я не знаю, кто это был. Думаю, что один из собутыльников отца, но даже в этом не уверена, — она немного помолчала. — И все утро продолжал лить дождь, который в тот момент я возненавидела.

— Бедный ребенок, бедный ребенок... — причитала Вера Павловна и порывалась ее обнять.

— Это еще не все, — остановила ее Шура. — Впереди еще самое... противное.

Когда она поселилась у тети, то в первую же ночь поняла, что с ней что-то происходит, но не стала анализировать свое состояние. Да и все остальное время она старалась держаться особняком. Днем она всю себя отдавала учебе, а вечером старалась пораньше уйти к себе. Тетя с дядей если и замечали странности в ее поведении, то виду не подавали. Только лишь дочь их постоянно пыталась ее зацепить. Но и та отстала, когда поняла, что Шура не реагирует на ее подколки.

Наверное, сестра все-таки что-то рассказывала маме Шуры, потому что та временами смотрела на дочь с беспокойством, когда она приезжала домой на каникулы. А может ей просто тоже казалось странным, что ребенок замыкается в себе с наступлением сумерек. Как бы там ни было, вопросов она не задавала, и постепенно все привыкли к ее странностям.

А потом она закончила техникум, и это совпало со смертью отца. Мать продала половину дома, и у Шуры появилось собственное жилье. Тогда и появилась Шер. В первую же ночь в своей квартире Шура проснулась с непреодолимым желанием отомстить. Сама атмосфера располагала к воплощению ее планов. С тех пор все ночи и вечера она посвящала изучению матчасти, ведь на практике она единственный раз ощутила мужскую близость, которая по сути была извращенным насилием.

С каждым днем сознание ее все больше разделялось. Днем она оставалась самой собой, наслаждалась солнечным светом, получала истинное удовольствие от работы и общения с людьми. А ночью или в дождливую погоду, которые так ненавидела Шура, в ней просыпалась Шер. Та, напротив, оказывалась в своей стихии, готовой к мести.

Шура не скрыла от Веры Павловны и то, как повстречалась со Славой, будучи в образе Шер. Конечно же она не стала вдаваться в подробности и шокировать еще сильнее эту добрую душу, но, скорее всего, та и сама догадалась, чем закончилась их встреча.

— Теперь вы знаете все, и я пойму, если ваше отношение ко мне изменится.

Шура не жалела, что обо всем рассказала начальнице. Выговорившись, она на самом деле почувствовала облегчение.

— Да кто я такая, чтобы судить тебя? — задумчиво произнесла Вера Павловна. — Каждому из нас есть, чего стыдиться. И ты не так уж и сильно виновата, в том, что с тобой произошло. Просто ты допустила слабину, поддавшись жажде мести.

— Я больше не хочу быть Шер, — очень тихо проговорила Шура, склонившись над столом. — И я больше не хочу мстить. После встречи со Славой я поняла, что наказываю невиновных. Ведь не они же со мной так обошлись тогда. Так почему же я, возможно, заставляю их страдать?

— И это самое главное, деточка, — улыбнулась начальница. — Это значит, что ты излечилась.

— Только я не знаю, как жить дальше, — еще сильнее ссутулилась она. — Если раньше мир делился на черное и белое, то теперь в нем все стало серым.

— Ничего, деточка краски постепенно будут возвращаться, пока мир вокруг тебя снова не засверкает, — улыбнулась Вера Павловна, похлопав ее по руке. — Самое главное, что ты выздоравливаешь и возвращаешься к нормальной жизни.

Только жизнь без Славы ей не нужна. Возможно и к этому она когда-нибудь привыкнет, но потребует на это куда больше времени.

Больше всего Шура не любила вечер пятницы и выходные. Если раньше, когда в ней просыпалась Шер, она посвящала это время подбору клиента, то сейчас она бесцельно слонялась по квартире, не зная чем заняться. Она постепенно привыкала к вечерам, стала относиться к ним гораздо спокойнее. И вместе с этим в ней просыпались нормальные человеческие желания — сходить в гости, позволить себе позже обычного лечь спать. Но всего этого не было в ее жизни раньше, и она не умела этого делать. Если в остальные вечера она уставала после работы и даже рада была оказаться в постели, то в выходные она почти все время проводила на диване с книгой или перед телевизором, страдая от одиночества и размышляя, как можно исправить ситуацию.

Вот и сегодня, придя с работы, поужинав, она достала томик Стендаля и забралась с ногами на диван. «Красное и черное» она читала когда-то в детстве. Тогда на нее произвела неизгладимое впечатление история всепоглощающей и трагичной любви. И сейчас ей захотелось освежить ее в памяти.

Звонок в дверь заставил ее вздрогнуть. К ней разве что соседка иногда заходила, чтобы попросить сахар или соль. Но она никогда не звонила в дверь, а обычно стучала. Кто бы это мог быть? Даже такая мелочь что-то всколыхнула в ее истосковавшейся по общению душе, заставляя трепетать ее от предвкушения.

Распахнув дверь, она замерла от неожиданности, встретившись взглядом с такими родными и желанными глазами, воспоминания о которых она уже похоронила глубоко в себе.

— Привет! — произнес Слава. — Пустишь? — кивнул он вглубь квартиры.

— Конечно! — опомнилась она, отходя в сторону и пропуская его. — Проходи...

Шура чувствовала слабость во всем теле от одного его вида. Спрятала руки за спину, потому что они внезапно мелко задрожали. Вопросы роились в голове, но все их затмевала радость, что она видит его. Вот уже три недели он ей не попадался на глаза даже случайно. Она не искала встречи, а он, по всей видимости, старательно ее избегал. И вот теперь он тут.

— Как живешь? — спросил Слава, оглядывая ее скромных размеров коридор.

— Нормально, — ответила она, лихорадочно соображая, что еще можно сделать или сказать. — Хочешь чай или кофе? — не придумав ничего лучшего, предложила она.

— Не откажусь, — улыбнулся Слава, и на душе ее сразу потеплело.

Все время, пока закипал чайник, и Шура заваривала чай, Слава сидел молча за столом и разглядывал ее, заставляя нервничать еще сильнее. Когда несла к столу чашку, полную

кипятка, невольно расплескала его и обварила руку.

— Больно? — схватил чуть не плачущую ее Слава за руку и подул на место ожога. — Нужно поставить под холодную воду.

Он подвел не сопротивляющуюся Шуру к раковине и подставил ее руку под холодную воду. Сам он прижимался к ней сзади, держа ее руку под краном. Она чувствовала его дыхание на своих волосах, щеке... Возбуждение росло, а вместе с ним неловкость от ситуации. Она считала, что не имеет права так реагировать на его близость.

— Уже прошло, — пробормотала Шура, высвобождая руку и закрывая воду.

Она повернулась к нему в надежде, что он отойдет и выпустит ее из кольца своих рук. Но этого не произошло. Напротив, Слава оперся о раковину по обе стороны от нее, разглядывая ее лицо и обдавая жаром своего дыхания.

— Почему ты мне не рассказала? — задал он вопрос, от которого у нее подкосились ноги.

В глазах потемнело, и она еле справилась с дурнотой. Значит, Вера Павловна не удержалась и открыла ему ее тайну? Ну что ж... Шура и не просила хранить все в секрете. Она и не подумала, что начальница может действовать за ее спиной. Только теперь он от нее ждал ответа, а она совершенно не знала, что может сказать.

— А ты бы стал слушать? — осенило ее, стоило вспомнить, как они тогда расстались.

— Могла бы попробовать, — настаивал он, не приближаясь и не убирая рук.

Ситуация перерастала в неловкую. Кроме того, Шура чувствовала, как от его близости в ней разрастается возбуждение, и щеки заливают краской стыда.

— Теперь ты знаешь, это что-то меняет? Ты все равно будешь ненавидеть меня, — прошептала она, отворачивая голову, лишь бы не видеть сочувствие в его глазах. Это совсем не то чувство, которое ей сейчас было необходимо.

— Это меняет все, — ответил он, беря ее за подбородок и поворачивая лицом к себе.

— Это объясняет твоё поведение.

— И что? — посмотрела на него в упор Шура.

— А то, что я был дураком.

— Когда? Когда спровоцировал меня на ту ночь?

Раз уж он завел разговор на эту тему, то она намерена все выяснить, чтобы больше между ними не оставалось недомолвок.

— Нет. Когда отпустил тебя.

Она молчала, пытаясь представить, что бы было, задержи он тогда ее. Как ни крути, а ничего хорошего из этого не выходило.

— Нет, все правильно. Иначе было бы еще хуже, — проговорила она.

— И больше нет Шер? — допытывался Слава.

— Я уже не знаю, кто есть, а кого нет. Знаю только, что все изменилось.

— А почему, знаешь? — Слава приблизил к ней свое лицо, и Шура почувствовала, как трудно становится дышать, насколько сильно хочет его поцеловать.

— Потому что Шер влюбилась, — ответила она, практически касаясь его губ своими, но не рискуя даже пошевелиться.

— И добилась своего, — так же, боясь пошевелиться, ответил Слава.

— Чего именно?

— Того, что я не могу не мечтать о повторении той ночи.

— Только этого?

— Нет, не только. Но сначала вот это, — он прижался к ее губам, и мысли фейерверком взорвались в ее голове.

Поцелуй длился бесконечно долго, но Шуру даже этого показалось мало.

— Я не знаю, в кого сильнее влюблен — в трепетную и нежную Шуру или опытную и властную Шер, — признался Слава, оторвавшись от ее губ, но не выпуская из своих объятий.

— Для тебя я могу быть и той и другой, — счастливо улыбнулась она.

— Только давай придумаем тебе другое имя, — после очередного поцелуя предложил он. — Как на счет Маты Хари?

— Ну, до этой великой соблазнительницы я явно не дотягиваю, — рассмеялась Шура. Сейчас она чувствовала себя абсолютно счастливой.

— Значит, будем совершенствоваться. Предлагаю начать прямо сейчас, — проник он руками под ее футболку и коснулся разгоряченной кожи спины.

В это момент Шура отчетливо осознала, что прошлое осталось позади, и впереди ее ждет счастливая жизнь.

Прием был в самом разгаре. Шура никак не могла привыкнуть к новому образу жизни, на котором настаивал отец Славы. Будучи одним из самых состоятельных и влиятельных персон города, он частенько устраивал пышные приемы, на которых она, Шура, считалась самым главным украшением. Как только первый раз увидел ее, он заявил сыну, что даже не ожидал от своего увальня-отпрыска такой прыти, что тот отхватит себе такой лакомый кусок. Все это было сказано в шутку, и Шура сразу поняла, что подружится с отцом Славы. Так и произошло. Как они у него, так и он у них всегда был желанным гостем, и в его обществе Шура чувствовала себя всегда комфортно.

Сегодняшний прием был посвящен открытию какого-то нового оздоровительного центра.

Его Шура заметила с самого начала и сразу же узнала. В душе шевельнулись отголоски почти забытого прошлого. И здесь она должна поставить точку, чтобы окончательно вычеркнуть Шер из своей жизни.

— Подойдем вон к той паре? — предложила она Славе, беря под руку.

— А кто это? — посмотрел он на мужчину и женщину, о чем-то мило беседующих.

— Я вас познакомлю, — лишь улыбнулась она.

Шура видела, как бледность покрывает его лицо, стоило ему только заметить приближающихся их со Славой. Она уже нацепила самую вежливую и дружелюбную из имеющегося арсенала улыбку.

— Добрый вечер, Анатолий Карлович, — поприветствовала она. — Рада встретить вас на этом вечере. Познакомьтесь, это Вячеслав — сын хозяина дома. А это?.. — перевела она взгляд на его спутницу, посылая ему глазами сигнал молчать.

— Моя жена — Ольга, — ответил он и слегка закашлялся.

— Дорогой, а кто это? — вежливо поинтересовалась его жена. Книг.олюб.нет

— Анатолий Карлович не так давно купил половину дома у моей мамы, — улыбнулась Шура довольно симпатичной и моложавой женщине. Она сразу же подметила грусть в ее глазах и желание запрятать эту грусть куда подальше, замаскировать от чужих глаз. Ей стало до боли жалко ее и захотелось помочь. — Можно я поговорю с вашим мужем наедине недолго? — попросила она. — Не возражаешь? — обратилась она к Славе. — Мама меня просила передать Анатолию Карловичу кое-что о доме.

Никто не возражал, попав под ее обаяние и вежливость. Она взяла мужчину под руку и отвела в сторону.

— Как вы себя чувствуете? — первым делом поинтересовалась Шура, заметив, что он все еще ужасно бледен.

— Не умру. Хоть однажды вы меня и чуть не убили.

— Вы меня тоже, — парировала она. — Если покопаетесь в памяти, то вспомните, о чем я говорю. В любом случае, мы квиты, и поговорить я хотела не об этом.

— А о чем? — удивился он. — Не о доме же, на самом деле? Я отдал его в безвозмездное пользование вашей маме...

— Знаю, знаю... — кивнула Шура, собираясь с мыслями. — Я хочу помочь вам и вашей жене, — заговорила она. — У вас ведь по-прежнему проблемы в интимной жизни?

— Не хочу обсуждать это с вами.

— Так я и думала, — кивнула она. — Помните нашу последнюю ночь? Глупый вопрос, понимаю. Так вот, если ваша жена проделает все то, что делала тогда я, вы сможете исполнить супружеский долг. И чем чаще вы будете тренироваться, тем крепче будет становиться ваша потенция. Попробуйте, — улыбнулась она. — Будем считать этот совет актом моей доброй воли, чтобы зарыть топор войны. Ведь мы квиты? — пытливо она смотрела на него.

— Квиты, — кивнул он, и в этот момент Шура поняла, что он вспомнил Шер.

— Так кто это был? — через какое-то время спросил Слава.

— Отголосок прошлого. — улыбнулась она. — Забытого прошлого, — добавила через секунду. — Слушай, а если меня кто узнает? — обратилась она к нему с вопросом.

— Во-первых, ты сильно изменилась с тех пор, а во-вторых, даже если это произойдет, то вряд ли кто-то об этом заговорит вслух, а если заговорит, то придется сделать так, чтобы он приписал дурные мысли игре своего болезненного воображения.

В это момент в голосе Славы проскользнула сталь, и Шура поняла, что всеми силами он будет пытаться защитить ее дальнейшую жизнь от вмешательства коварной Шер.

Больше книг на сайте - Knigolub.net